

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ	
Ауелбаев Б.А.	Условия развития энергетического и транспортного взаимодействия между странами Центральной Азии и Афганистаном 5
Аманжол И.А.	Афганистан: очерк неусвоенной истории 19
ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	
Жаркынбаева Р.С.	Двадцатилетие независимости Республики Казахстан: достижения и перспективы в социальной сфере 36
Жумагулов К.Т., Нуртазина Н.Д.	Исторические предпосылки этноконфессионального многообразия и религиозной толерантности народов Евразии 53
ЭКОНОМИКА	
Башмаков А.А.	Неэкономические факторы экономики 66
Мухамеджанова Д.Ш.	Страны БРИКС в стратегии экономической интеграции Казахстана 74
Сигаев Е.А.	Драгоценные металлы — как защитный инструмент инвестиций 88
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ	
Черных И.А.	Развитие киберпространства: проблемы управления 92
РЕЦЕНЗИЯ	
Лаумулин М.Т.	Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы 99
SUMMARY 108	
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 111	

**Казахстан
Спектр**
НАУЧНОЕ ЖУРНАЛ 2012/1

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск А.А. Морозов
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садваксов, Е.В. Игнатенко
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87ой.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №544.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей.
Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

INTERNATIONAL AFFAIRS AND SECURITY

Auelbaev B.A.	Context for Energy and Transport Cooperation between Central Asia and Afghanistan	5
Amanzhol I.A.	Afghanistan: History of Unlearned Lessons	19

INTERNAL AND SOCIAL AFFAIRS

Zharkynbaeva R.S.	Twenty Years of Independent Kazakhstan: Achievements and Perspectives of Social Sphere	36
Zhumagulov K.T., Nurtazina N.D.	Historical Preconditions for Ethno-religious Diversity and Tolerance of Peoples in Eurasia	53

ECONOMY

Bashmakov A.A.	Non-economic Factors of Economy	66
Mukhamedzhanova D.Sh.	BRICS Countries in Economic Integration Strategy of Kazakhstan	74
Sigaev E.A.	On Precious Metals as an Instrument of Investment Saving	88

THEORY AND ANALYSIS

Chernykh I.A.	Development of Cyberspace: Problems of Control	92
---------------	--	----

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	Political Process in Central Asia: Achievements, Problem and Perspectives	99
---------------	---	----

SUMMARY	108
---------------	-----

AUTHORS	111
---------------	-----

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief B.K. SULTANOV,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication A.A. Morozov
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sadvaliev, Y.V. Ignatenko
Address: 87 Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kiai.kz.
The magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE 'Volkovs Ye V.' Almaty. Copies 500.

Редакционный совет

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музаширова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Абусейтова М.Х.** — директор Института востоковедения МОН РК, доктор исторических наук, профессор
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — депутат Мажлиса Парламента РК, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Майлыбаев Б.А.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — помощник Президента — Секретарь Совета Безопасности РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор социологических наук, профессор

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS) under President of RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under President of RK, Candidate of Economics
- Abusseitova M.Kh.** — Director, Institute of Oriental Studies at Ministry of Education and Science of RK, Doctor of History, Professor
- Alshanov R.A.** — President of 'Turan' Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions Association of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy of Majilis of Parliament of Kazakhstan, Chairman of Foreign Affairs, Defence and Security Committee, Candidate of Political Science
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Department, Kazakh-German University, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Professor of Department of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi Kazakh National University Doctor of History
- Laumulin M.T.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Mailybaev B.A.** — Deputy Head of Administration of President of RK, Doctor of Law (LLD)
- Syroyezhkin K.L.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Tazhin M.M.** — Aide to President, Secretary of National Security Council, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Director of Institute of Philosophy, Political and Religious Studies, Ministry of Education and Science of RK, Committee for Scientific Affairs, Doctor of Social Science, Professor

Условия развития энергетического и транспортного взаимодействия между странами Центральной Азии и Афганистаном

АУЕЛБАЕВ Б.А.

В настоящее время актуальной темой в исследовании мировой геополитики становится формирование тесного межрегионального взаимодействия между Афганистаном, странами Центральной и Южной Азии. Планы реализации и развития транспортно-коммуникационных, энергетических и инфраструктурных проектов рассматриваются различными государствами, международными и региональными структурами.

К примеру, существуют проекты строительства сети дорог между Ираном, Афганистаном и Таджикистаном в рамках развития сотрудничества Союза персоязычных государств. Китай вкладывает большие инвестиции в развитие автомобильных дорог и линий электропередач в Центральной Азии, а также рассматривает строительство железнодорожной ветки в Киргизии и Афганистане в целях доступа к горнорудным месторождениям в регионе.

Индия принимает активное участие в транспортно-энергетических проектах центральноазиатских стран и Афганистана, а также в реконструкции аэропорта Айни в Таджикистане. В рамках подписанного в октябре 2011 г. протокола о стратегическом партнерстве между Дели и Кабулом, Индия намерена расширить свои внешнеэкономические возможности на афганском направлении и уже сегодня эта страна занимает шестое место по объему инвестиций в экономику Афганистана (\$2,1 млрд).

Пакистан является неизменным партнером Афганистана по взаимным транзитным перевозкам, важной стороной сотрудничества между Исламабадом и Кабулом является участие в разработке многосторонней программы экспорта электричества из Таджикистана и Киргизии, а также природного газа из Туркменистана. К этим проектам свое внимание уделяет Россия.

Наиболее комплексное видение развития межрегиональных связей изложено в стратегии США «Новый Шелковый путь». Согласно замыслу авторов данной концепции, деятельность США, с момента решения о выводе военного контингента, должна быть сосредоточена к созданию устойчивой афганской экономики и расширению межрегиональных экономических взаимосвязей. Для США и НАТО одним из выходов из военно-политического кризиса видится в осуществлении следующих приоритетных проектов в развитии экономики Афганистана:

1. Создание национальной афганской транспортной системы:

- реконструкция 3 000 км афганской кольцевой шоссеиной дороги, соединяющей Мазари-Шариф, Кабул, Кандагар, Герат, а также строительство новой автомобильной трассы «Герат — Кабул»;
- завершение трансафганской железнодорожной линии. В перспективе соединение с железнодорожной иранской системой в Герате и продолжение железнодорожной линии «Хайратон — Мазари-Шариф — Герат», а также строительство ветки «Кандагар — Спин Болдак»;
- обеспечение выхода автомобильных и железнодорожных путей сообщения на международные транспортные коммуникации, в первую очередь пакистанский порт Гвадар;
- создание транспортного хаба на территории Афганистана, позволяющего стыковать три стандарта железнодорожной колеи — европейской, евразийской и индо-пакистанской.

2. Подключение Афганистана к региональным и глобальным энергетическим рынкам:

- расширение возможностей экспорта узбекской, таджикской и туркменской электроэнергии в Афганистан и далее в Пакистан;
- развитие международного трубопроводного транспорта: в среднесрочной перспективе — газопровод ТАРІ; в долгосрочной перспективе — нефтепровод «Казахстан — Туркменистан — Афганистан — Пакистан» [1].

Выдвинутая инициатива США стала предметом обсуждения представительных международных конференций и встреч на выс-

шем политическом уровне, а также двусторонних консультаций и переговоров госдепартамента США с руководством Индии, Пакистана и центральноазиатских государств. Специально с этой миссией летом и осенью 2011 г. госсекретарь США Х. Клинтон посетила с рабочими визитами Ченнай, Исламабад, Ташкент и Душанбе. В январе — феврале текущего года этот вопрос стал одним из приоритетных на встрече министра иностранных дел РК Е. Казыханова с главой внешнеполитического ведомства США.

Геополитические факторы в развитии межрегионального сотрудничества

В настоящее время в государствах, расположенных вокруг Афганистана, вызывают серьезное беспокойство процессы, связанные с выводом войск США из этой страны. Все международные игроки достаточно четко понимают, что США играют ключевую роль в конфликте, и окончательная выработка администрацией США вопроса о характере своего присутствия на афганской территории автоматически повлечет за собой принятие соответствующих политических решений всеми участниками ISAF.

Несмотря на частую критику в СМИ по поводу иностранного вмешательства в афганский внутривнутриполитический кризис, страны Центральной Азии и граничащие с Афганистаном региональные державы осознают, что на сегодня западный альянс остается пока что единственной силой, ответственной за относительную стабильность Афганистана.

Однако в администрации и военном командовании США, вероятно, пришли к пониманию, что географическая отдаленность от военно-морского базирования, преимущественно горный ландшафт и отсутствие надежных союзников в глубине Азиатского континента делают их войска уязвимыми. С учетом массового выброса переносных зенитно-ракетных комплексов (ПЗРК) на «черные рынки» оружия в Северной Африке не исключено их попадание в Афганистан, что может создать дополнительные проблемы для ВВС США и НАТО [2].

С учетом мирового финансово-экономического кризиса произошла также переоценка экономической отдачи от военной компании на афганской территории.

Все это в совокупности определило сворачивание широкого американского военного присутствия в регионе, но остается актуальным

вопрос — сохраняют ли США свою роль геополитического модератора в Азии и какие преимущества даст сохранение стратегических военных баз на афганской территории?

В своем заявлении госсекретарь Х. Клинтон, отвечая на вопрос конгрессмена-демократа Е. Фалеомаваега относительно интересов США в Азии, отметила следующее: «Наибольшая часть будущей истории XXI в. будет написана в Азии, и США должны остаться там державой-резидентом в военном, политическом и экономическом плане, если мы хотим сохранить свое глобальное лидерство» [3].

В то же время окончательный исход американских военных из Афганистана сделает необратимым процесс снижения влияния США на дальнейшее развитие всего Азиатского континента, что обозначит потерю исторической возможности закрепить за собой роль миссионера ценностей западной цивилизации.

Россия, Китай, Индия, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и Турция находятся в поиске адекватных ответов на данную проблему. Каждая из указанной группы региональных держав установила и поддерживает свой формат взаимодействия США и НАТО в Афганистане. Но и одновременно с этим выжидают ослабление западной коалиции, выматываемой изнурительной борьбой с партизанской тактикой войны непримиримой афганской оппозиции.

Предпосылки развития отраслевых направлений взаимодействия между странами Центральной Азии и Афганистаном

Страны Центральной Азии и Афганистан, в силу своего выгодного геополитического положения, имеют большие возможности в развитии транзитного потенциала в транспортно-энергетической и коммуникационной сфере. Также, в свою очередь, имеются и свои ресурсы для интенсивной взаимовыгодной торговли.

В настоящее время уже имеется значительный задел в плане экспортных энергетических поставок из Центральной Азии в Афганистан и далее в Южную Азию, а также потенциал расширения межрегиональной транспортной инфраструктуры.

1. Электроэнергетика. За последнее десятилетие произошли существенные изменения в энергетической сфере в странах Центральной Азии. К примеру, в декабре 2009 г. Узбекистан заявил о своем решении выйти из Объединенной энергетической системы Центральной Азии (ОЭС ЦА). За все это время узбекское правительство

активно проводило политику, направленную на собственное обеспечение энергетической безопасности. Необходимо заметить, что в модернизации энергосистемы Узбекистана были задействованы крупные зарубежные компании — японская корпорация Mitsubishi Heavy Industries Ltd, испанская инжиниринговая фирма Initec Energia SA, германская компания Siemens. Основные кредиты предоставлены Фондом развития и реконструкции Узбекистана, Исламским банком развития (ИБР), Азиатским банком развития (АБР), Эксимбанком Китая, Японским банком международного развития (JBIC) и другими коммерческими банками.

В 2009 г. государственно-акционерная компания (ГАК) «Узбекэнерго» завершила строительство ЛЭП — 220 кВ от подстанции «Сурхан» до афганского города Хайратон и ЛЭП — 500 кВ ПС «Гуззар» — ПС «Сурхан», что позволило увеличить экспорт узбекской электроэнергии в Афганистан до 300 мВт. С этого времени Узбекистан стал основным поставщиком электроэнергии в Афганистан, в планах которого намечено увеличение экспортного потенциала в этом направлении [4].

Вслед за действиями Узбекистана таджикское руководство столкнулось в 2010-м и 2011 г. с отсутствием рынка сбыта электроэнергии, что привело в весенне-летнем сезоне к холостому сбросу воды с крупных водохранилищ республики. Это ускорило темпы строительства на своем участке ЛЭП 220 кВ «Сангтуда — Пули Хумри». Также по просьбе генеральных подрядчиков проекта индийских компаний KEC International и RPG Transmission правительство Таджикистана обратилось к президенту Афганистана для решения ряда проблем, препятствующих строительству данной линии на афганской территории. С другой стороны, для снижения зависимости от Узбекистана в Таджикистане были реализованы ЛЭП — 110 кВ «Север (Варзоб) — Айн» и ЛЭП — 220 кВ «Худжанд — Айни», объединившие в единое энергетическое кольцо все регионы республики. Важным событием 2011 г. в гидроэнергетической отрасли Таджикистана стало завершение в июле строительства линии электропередачи 220 кВ Сангтуда-2-Сарбанд под управлением ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС» и запуск 5 сентября президентами Таджикистана и Ирана первого агрегата станции Сангтудинской ГЭС-2, возводимой иранской компанией «Фароб».

Решение официального Ташкента выйти из ОЭС ЦА вызвала цепную реакцию в Киргизии и Казахстане, обозначив новые контуры взаимодействия в этой сфере с предполагаемым строительством ЛЭП «Датка — Кемин — Алматы».

Для реализации проекта «Датка — Кемин» в 2009 г. было подготовлено ТЭО за счет гранта Агентства США по торговле и развитию фирмой Auriga Corporation. Однако в 2012 г. данное обоснование было пересмотрено в сторону увеличения общей стоимости в 390 млн долл. США.

Строительство ЛЭП берет на себя китайская компания ТВЕА, которая согласилась реализовать проект за 342 млн долл. США без учета средств на увеличение мощности линии, которое составило 48 млн. Возможно, что для этих целей китайский «Эксимбанк» выделит новый кредит, помимо того что банк уже кредитовал строительство подстанции «Датка» на сумму 208 млн долл. США на условиях 20 лет под 2% годовых с отсрочкой на 7 лет.

В данный момент начато строительство подстанции 500 кВТ «Датка» с автотрансформатором мощностью 501 МВ·А в Джалал-Абадской области и линии 220 кВ общей протяженностью 256,5 км. «Датка» станет крупным энергоузлом, который в перспективе свяжут с подстанцией 500 кВ «Кемин» на севере республики. Далее ее объединят с подстанциями 500 кВ «Алматы» в Казахстане и «Ходжент» в Таджикистане, что позволит увеличить экспортный потенциал Киргизии. Линию «Кемин — Алматы» Казахстан намерен построить за собственные средства, и даже ту часть, которая проходит по территории Киргизии [5].

Таджикистан, в свою очередь, выступил с обращением присоединения к данной энергетической сети при условии строительства линии электропередачи от Датка до Худжанта. Этот вопрос также был включен в повестку дня четырехсторонней встречи президентов России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана в Сочи 18 августа 2010 г. [6].

В то же время в Казахстане завершение строительства в сентябре 2009 г. второй линии электропередачи «Север — Юг Казахстана», пуск в эксплуатацию в ноябре 2011 г. Мойнакской ГЭС, планирование реализации Балхашской ТЭЦ значительно снизит зависимость от киргизского импорта электричества его южных областей [7].

В связи с этим экспорт генерирующих мощностей Киргизии и Таджикистана будет ориентирован в Афганистан и страны Южной Азии, на чем и базируется программа CASA-1000. С учетом пуска крупных гидроэлектростанций на территории Таджикистана Сангтудинских ГЭС-1, 2, перспективного строительства Рогунского водохранилища, а также на территории Киргизии Камбаратинских ГЭС-1, 2 заметно увеличится экспортный потенциал обеих стран. В этом

отношении, по данным главы правительства КР О. Бабанова, были подписаны соглашения с российскими компаниями «РусГидро» и «ИнтерРАО» о развитии верхних Нарынских каскадов: Камбарата-1, 2 стоимостью в несколько млрд долл. США [8]. Заинтересованность в данном направлении экспорта подтвердил секретарь Совета обороны Б. Табалдиев на встрече 13 марта текущего года с министром обороны США Л. Панеттой [9].

В этом приоритеты Киргизии и Таджикистана имеют в целом одно направление. Полагаясь на заинтересованность западных держав перенаправить энергетические возможности центральноазиатских стран в Афганистан и Южную Азию в рамках проекта CASA-1000, Рогунская ГЭС имеет высокие шансы на привлечение объемных инвестиций международных финансовых институтов. В частности, в проекте Всемирного банка (ВБ) «Оценки строительства Рогунской ГЭС» указано, что «большая часть выработанной электроэнергии будет нацелена на экспорт. В настоящее время определены основные экспортные рынки — это Пакистан, и намерение Пакистана импортировать электроэнергию из Рогунской ГЭС было изучено в двустороннем формате (Совместная экономическая комиссия Пакистана и Таджикистана) и на многосторонних форумах (Центральноазиатский и Южноазиатский энергетический рынок, или CASAREM). Другие возможные рынки будут также рассмотрены как часть Исследования технико-экономической оценки (ИТЭО)» [10].

Также на сентябрьской встрече президента РТ Э. Рахмона с директором ВБ по стратегии и операциям по странам Европы и Центральной Азии Т. Алерсом в Душанбе последний выразил готовность предоставить средства на реализацию проекта CASA-1000. От поддержки ВБ к моменту завершения международной экспертизы весной 2012 г. зависит будущая геополитическая конфигурация на стыке Центральной и Южной Азии, в центре которой находятся не только интересы стран региона, но и военно-политических держав, участвующих в урегулировании афганского кризиса.

Важным поставщиком электроэнергии в Афганистан является Туркменистан. Эта центральноазиатская страна вышла из ОЭС ЦА еще в 2003 г., в силу чего ее развитие особо не влияло на региональные отношения. За годы независимости в республике была проведена модернизация энергосистемы, в которой также приняли участие крупные иностранные корпорации, в том числе американская General Electric, французская Schneider Electric, германская Siemens AG и ряд турецких компаний. Это позволило туркменско-

му правительству продавать свои генерирующие мощности в Иран и Турцию.

На рубеже веков Туркменистан реализовал прокладку в Афганистан 120-километровой ЛЭП «Серхетабад (бывшая Кушка) — Герат — провинция Балх» и строительство электроподстанции в Герате. В соответствии с двусторонними соглашениями в Афганистан ежегодно экспортируется 325 млн кВт·ч туркменской электроэнергии. В настоящее время турецкой компанией Lotus Proje Akaryakit Enerji Madencilik Telekomunikasyon Insaat Sanayi Taahhut ve Ticaret A.S. реализуются энергетические инфраструктурные проекты в Лебапской области, в частности ЛЭП «Мары ГРЭС — Атамурад» и далее в район приграничного афганского города Андхой. Стоимость первого этапа строительства данной 125-километровой высоковольтной линии составляет 390,5 млн долл. США. На втором этапе предусматривается построить еще одну ЛЭП-500 «Сердар — Зергер — Атамурад» протяженностью 300 км, что в перспективе в 5 раз увеличит поставки в Афганистан, удовлетворит 70% потребностей соседней страны в электроэнергии и даст возможность экспортировать электроэнергию в Пакистан. Финансирование проектов стоимостью 390 млн долл. США берет на себя правительство Туркменистана [11].

2. *Транспортные коммуникации.* С изменениями в энергетической сфере в странах Центральной Азии происходит трансформация транспортно-коммуникационной отрасли. Во многом тенденции развития национальной транспортной системы являются схожими с инфраструктурным развитием энергетических сетей, но с той разницей, что иностранными инвесторами железные и автомобильные дороги финансируются значительно меньше или больше выборочно, нежели трубопроводный транспорт и ЛЭП, ориентированные на экспорт за пределы региона. В связи с этим основная доля в развитии транспортных магистралей и логистики ложится на государственный бюджет и национальные компании. К примеру, на строительство в Казахстане железнодорожной ветки «Хромтау — Алтынсаринно», соединяющей Северный регион страны с западными областями с выходом на порт Актау, было затрачено 25,85 млрд тенге из республиканского бюджета и 4,16 млрд тенге средств НК «Қазақстан темір жолы» (в целом примерно 230,8 млн долл. США).

Однако ближе к границам Центральноазиатского региона инвестиционная привлекательность транспортной отрасли значительно изменяется. Характерны финансовые затраты на стратегические для Узбекистана железнодорожные линии, соединяющие отдельные об-

ласти в единую транспортную сеть. К примеру, для создания инфраструктуры построенной в 1996—2001 гг. железнодорожной линии «Навои — Учкудук — Султануиздаг — Нукус» протяженностью 342 км и стоимостью примерно 100 млн долл. США затрачены финансовые средства ГАЖК «Узбекистон темир йуллари». Эта ветка соединяет Навоийскую область и Каракалпакстан в обход территории Туркменистана. В то же время для завершения железнодорожной линии «Ташгузар — Бойсун — Кумкурган» были привлечены льготные кредиты Японского банка международного сотрудничества (JBIC) в размере 151,47 млн долл. США из 447 млн проектной стоимости строительства. Данный отрезок длиной 223 км соединил в обход Туркменистана Кашкадарьинскую и Сурхандарьинскую области республики. Участие в ее реализации также приняла компания Japan Transportation Consultants Inc., предоставлявшая проекту инженеринговые услуги и услуги по строительному надзору.

В начале 2011 г. начались работы по электрификации железнодорожного участка «Мараканд — Карши — Ташгузар — Байсун — Кумкурган» протяженностью 389 км за счет финансирования средств ГАЖК «Узбекистон темир йуллари» (156 млн долл. США), кредитов японского банка JBIC (163,4 млн долл. США) и Фонда реконструкции и развития Узбекистана (50 млн долл. США). Необходимо также указать, что в 2004 г. на реконструкцию участка «Келес — Самарканд» протяженностью 320 км был использован кредит Азиатского банка развития 70 млн долл. США. Все это вместе соединило национальную железнодорожную систему от казахстанско-узбекской границы до узбекско-афганского пограничного перехода на Амударье без каких-либо пересечений с другими государствами. В целом увеличились транзитные возможности Узбекистана, наиболее эффективно проявившиеся при задействовании Северного пути поставок НАТО в Афганистан.

В 2004 г. во время визита в Ташкент министра иностранных дел Афганистана А. Абдулло была достигнута договоренность о разработке проекта строительства 80-километровой железной дороги из Термеза через Хайратон в Мазари-Шариф. В это время Узбекистан поддерживал тесные связи с США и содействовал американским инициативам по восстановлению и модернизации транспортных магистралей Афганистана.

Узбекское руководство было заинтересовано в создании транс-афганского коридора для выхода через Мазари-Шариф, Шиберган, Герат и Кандагар к международным морским портам Ирана и Паки-

стана. В это же время в сотрудничестве с американскими компаниями были подготовлены ТЭО проекта. Однако, после охлаждения отношений между США и Узбекистаном, переориентации последнего на союзнические отношения с Россией, произошла определенная задержка в его реализации [12].

В ноябре 2008 г. между АБР, правительствами Узбекистана и Афганистана был подписан меморандум о строительстве железной дороги «Хайратон — Мазари-Шариф — Герат». 30 сентября 2009 г. Совет директоров АБР принял решение о предоставлении правительству Афганистана гранта в сумме 165 млн долл. США для финансирования строительства железнодорожной линии «Хайратон — Мазари-Шариф». В марте 2010 г. ГАЖК «Узбекистон темир йуллари» начала строительные работы по созданию железнодорожной линии «Хайратон — Мазари-Шариф». В ноябре того же года строительные работы были завершены. Построенная железная дорога имеет длину 106,5 км, протяженность главных путей равна 75 км [13].

На примере развития узбекской железнодорожной транспортной системы видно, что, когда коммуникации приобретают важное геополитическое значение, расходы на строительство дорог берут на себя заинтересованные стороны и международные финансовые институты. В этом отношении интересен опыт строительства автомобильных дорог в Таджикистане, соединивших в единую национальную транспортную сеть столицу республики с ее регионами. В этом большую роль сыграли инвестиции из Китая и Ирана, а также международных банков развития, в особенности АБР.

Примечательно то, что таджикское правительство смогло привлечь иностранных инвесторов не только экономической привлекательностью проектов, но и используя фактор геополитического устремления государств закрепиться на рынках Центральной и Южной Азии, а также Афганистана. К примеру, Китай для расширения возможностей своей горнодобывающей промышленности в регионе в 2007—2011 гг. вложил в экономику Таджикистана 515,9 млн долл. США, 64,8 млн из которых являются прямыми инвестициями, 451,1 млн — другими видами инвестиций. Одним из самых дорогих вложений Китая в Таджикистан является кредит Экспортно-импортного банка КНР в реконструкцию дороги «Душанбе — Чанак» общей стоимостью в 186 млн долл. США. Иран, помимо финансирования 180 млн долл. США в строительство гидроэлектростанции «Сангтуда-2», выделил 39 млн в виде кредитов и грантов для реализации тоннеля «Истиклол» на Анзобском перевале.

В Киргизии в плане развития транспортных коммуникаций в ближайшей перспективе может быть построена железная дорога «Китай — Киргизия — Узбекистан». В конце 2011 г. по данному проекту была достигнута предварительная договоренность, согласно которой компания China Road проведет его ТЭО. В настоящее время для этой цели ведутся переговоры с Всемирным банком. Строительство в соответствии с межправительственными соглашениями будет осуществлять китайская компания China National Machinery Imp. & Exp. Corporation.

Маршрут предположительно будет пролагаться от китайского города Кашгар, который является конечной точкой железной дороги в южном Синьцзяне, через приграничный Торугарт, долину Арпа, Ферганский хребет с выходом на Узген и приграничный с Узбекистаном Кара-Суу. Предварительная стоимость строительства составляет 1 млрд 350 млн долл. США. К проекту также проявляет интерес Россия, которая, по заявлению премьер-министра О. Бабанова, готова вложить 500 млн долл. США [14], а также, со слов лидера фракции «Ар-Намыс» Ф. Кулова, немецкая компания «Темир роял АГ» [15]. При реализации данной железнодорожной ветки откроется принципиально новый маршрут, соединяющий Китай, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан и Афганистан.

Таким образом, возможности реализации стратегии США «Новый Великий Шелковый путь» подкрепляются стремительно развивающейся инфраструктурой вокруг Афганистана и желанием соседей вовлечь эту страну в региональные экономические взаимоотношения. Тем не менее в основе скептического отношения касательно дальнейшего развития ситуации в русле предложенного плана администрацией США лежат современные реалии.

Проблемы и перспективы

Известно, что американский контингент планирует свернуть свое широкое присутствие на афганской территории до 2014 г. Одновременно с этим страны западного альянса намерены запустить социально-экономические механизмы для стимулирования развития межрегиональных торговых связей и собственно освоения внутренних ресурсов Афганистана. Но здесь данная стратегия сталкивается с противоречащими друг другу тенденциями:

- во-первых, США признают, что урегулировать военно-политическую ситуацию и социально-экономический кризис в Афганистане

невозможно без содействия соседних стран и региональных объединений, в то же время стремятся ограничить доступ к афганским ресурсам таких влиятельных в регионе субъектов, как Иран и Россия;

- во-вторых, практически все государства, входящие в геополитическое окружение Афганистана, заинтересованы в обеспечении безопасности на его территории за счет военных и финансовых ресурсов США и ЕС, однако большинство из региональных лидеров выступают против военного усиления и длительного присутствия США в Афганистане и странах Центральной Азии;

- в-третьих, крупные государства региона намерены использовать экономический потенциал Афганистана с минимальным влиянием на этот процесс со стороны США и ЕС, хотя основными спонсорами инфраструктурных проектов на афганской территории выступают международные финансовые институты — ВБ, АБР, ИБР, в которых активы формируются в основном за счет западных стран и их союзников;

- в-четвертых, стратегия США «Новый Шелковый путь», кроме общих направлений, не дает четких представлений относительно дальнейших действий США в Афганистане и не имеет детального разработанного плана. В свою очередь, у региональных держав нет альтернативной программы представленной стратегии США.

В целом, учитывая приведенные доводы, к 2014 г. в регионе может возникнуть патовая ситуация. Чтобы избежать дальнейшей эскалации кризиса, США необходимо достигнуть успехов сразу по нескольким направлениям:

1) внутри Афганистана:

- добиться одобрения парламентом ИРА присутствия долговременных военных баз на территории Афганистана;
- убедить правительство Х. Карзая в необходимости осуществления перемирия с вооруженной оппозицией на условиях, предложенных американской администрацией;
- провести переговоры с лидерами движения «Талибан» с тем результатом, который бы обеспечил их сосуществование с долговременным военным присутствием США на территории Афганистана;
- завершить процесс подготовки Афганской национальной армии, полиции и служб безопасности, которые смогут стать действенной опорой политики США в стране;

2) на региональном уровне:

- достичь необходимых компромиссных договоренностей с региональными лидерами по вопросу своего дальнейшего военно-политического присутствия в центре Азиатского континента;

- поддерживать конструктивные отношения с Россией, Пакистаном, Индией и Китаем — основными и потенциальными партнерами по экономической реабилитации Афганистана;

- снизить интенсивность политического давления на Иран, без которого решение задач по экономическому восстановлению Афганистана будет затруднительно;

- соблюдать баланс интересов между региональными державами при продвижении проектов в рамках стратегии «Новый Шелковый путь» на территории стран Центральной Азии;

3) в глобальном масштабе:

- создавать условия для поддержания высокого уровня заинтересованности развитых стран в развитии афганской экономики;

- содействовать координации усилий международных организаций и региональных объединений в деле реабилитации Афганистана.

Реализация стратегии США «Новый Шелковый путь» требует выполнения комплекса условий, большинство из которых противоречат друг другу. Дальнейшее развитие событий также может зависеть от множества других факторов, к примеру: итогов президентских выборов в США, сохранения внутривосточной стабильности в Афганистане, Пакистане, Иране и странах Центральной Азии.

Главная трудность для международного сообщества в построении будущего Афганистана — это найти многостороннюю формулу продвижения интересов всех субъектов его геополитического окружения, невзирая на тот факт, что найденные пути могут быть не всегда одинаково выигрышными для участников.

С другой стороны, провал американского плана способен негативно отразиться на системе региональной безопасности и в первую очередь подвергнет угрозам соседние страны. Произойдет сворачивание ряда энергетических и транспортно-коммуникационных программ развития, в частности, будут приостановлены крупные проекты строительства водно-энергетических проектов в Таджикистане и Киргизии, развития ТЭК в Узбекистане и Туркменистане.

В целом напрямую это не затрагивает интересы Казахстана, однако ухудшение общей обстановки в регионе, а также накал геополитической борьбы за сферы влияния между мировыми и региональными державами резко повысят уровень трансграничных рисков национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. S. Frederick Starr, Andrew C. Kuchins. The Key to Success in Afghanistan. A Modern Silk Road Strategy. Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. Silk Road Paper. — May 2010. — Pp. 33—40.
2. Ильяченко И. НАТО открыл ливийский ящик Пандоры // Независимая газета // <http://www.ng.ru>. — 2011, 26 сентября.
3. Хиллари Клинтон: США делают «разворот» и хотят стать «державой-резидентом» в Азии // ИА REGNUM // <http://www.regnum.ru>. — 2011, 31 октября.
4. Давыдов А. Узбекистан продолжает оставаться основным поставщиком электроэнергии в Афганистан // Средняя Азия в Интернете // <http://centralasiaonline.com/ru>. — 2008, 7 июля. Узбекистан построит новую ТЭС для повышения экспорта электроэнергии в Афганистан // OLAM.uz // <http://news.olam.uz>. — 2011, 25 ноября.
5. Медетбек Айтулов. К концу апреля Министерство финансов Кыргызстана должно договориться о выделении кредита на проект «Датка — Камин» // ИА «24.kg» // <http://www.24kg.org>. — 2012, 1 марта. Костенко Ю. Киргизская стройка века обретает реальность? // ИА «24.kg» // <http://www.24kg.org>. — 2012, 2 марта.
6. Президенты РФ, Пакистана, Афганистана и Таджикистана обсудили вопросы политического и экономического сотрудничества на четырехстороннем саммите в Сочи // Новости Минэнерго России // <http://minenergo.gov.ru>. — 2010, 19 августа.
7. Казахстан намерен организовать импорт электроэнергии из Кыргызстана // Агентство Международной информации TREND // <http://www.trend.az>. — 2011, 31 мая. Казахстан стал независимым от импортируемых поставок электроэнергии // ИА «Казахстан Сегодня» // <http://kaz-news.info>. — 2009, 17 сентября.
8. Премьер Кыргызстана обещает договориться с «РусГидро» и «ИнтерРАО» о реализации ранее подписанных совместных соглашений // KGINfo.ru // <http://kinfo.ru>. — 2012, 1 февраля.
9. Кыргызстан заинтересован в строительстве линии электропередач в Афганистан и Пакистан // K-News // <http://www.knews.kg/ru>. — 2012, 14 марта.
10. Europe and Central Asia — Assessment Studies for Proposed Regional Water Reservoir and Hydropower Project in Tajikistan // The World Bank Group // <http://www-wds.worldbank.org>. — 2010, 26 июля.
11. В Туркменистане начинается официальный визит президента Афганистана // Trend // <http://www.trend.az>. — 2011, 28 мая. Туркменистан собирается стать ведущим поставщиком электроэнергии в Афганистан // Афганистан.Ru // <http://afghanistan.ru>. — 2011, 30 декабря. Туркменистан намерен в пять раз увеличить объем экспорта электроэнергии в Афганистан // TURKMEENSTAN.RU // <http://www.turkmenistan.ru>. — 2011, 25 февраля.
12. Зачем Узбекистану афганская железная дорога? // Фергана.Ru // <http://www.fergana.ru>. — 2009, 1 декабря.
13. В Афганистане запущены железнодорожное сообщение // ИА Regnum // <http://www.regnum.ru>. — 2011, 21 декабря.
14. Россия намерена выделить \$500 млн на строительство железной дороги // Китай — Киргизия — Узбекистан // ИА REGNUM // <http://regnum.ru>. — 2012, 1 февраля.
15. Ф. Куртов о строительстве железной дороги «Китай — Кыргызстан — Узбекистан» // Сайт партии «Ар-Намыс» // <http://www.ar-namys.org>. — 2012, 5 февраля.

Афганистан: очерк неусвоенной истории

АМАНЖОЛ И.А.

*Светлой памяти безвинно убитого
моего проводника Ахмада Вали,
благодаря которому я стал глубже
понимать Афганистан, посвящаю*

Афганцы говорят, что для тех, кто не знает своей истории, она повторяется вновь. От себя добавим: для тех, кто не знает истории Афганистана, но пытался и пыгается его покорить — тоже. Европе она стала приоткрываться с первой попыткой захватить эту страну. Спустя полтора столетия сдавать афганский экзамен наступил черед СССР. Как и с англичанами, экзаменаторы были суровы, но свято место пусто не бывает. Бывший шеф ЦРУ Джордж Тенет признал, что, не имея глубоких знаний культуры и менталитета афганцев, полагаясь только на добытые спецслужбами секреты, достичь успеха невозможно. Их знание позволяет заглянуть в недавнее прошлое и ближайшее будущее, осмыслить, чего следует ожидать, роль суфиев в политической жизни, кто были предтечами движения «Талибан», в чем причина возникновения и какова его природа? О нем написано немало, но ответ на вопрос, в чем состоит его феномен, так и остается не до конца раскрытым. Попытаемся слой за слоем снять покровы таинственности.

Введение в афганский ребус

Многое на Востоке для европейцев и сейчас остается непонятым. По этому поводу аятолла Хомейни как-то сказал: «Если вы, индонезийцы, не понимаете нас, тем хуже для вас». Те считают афганцев упрямыми, угрюмыми, несговорчивыми и примитивными людьми, живущими нелепой и странной жизнью. Они не примитивны, нет, прямолинейны, не упрямы, а тверды и настойчивы, большей частью правдивы, поскольку богобоязненны. Они общительны и радушны к тем, кто их понимает. У афганцев иная, имущая мало общего с европейской логика, другие стереотипы поведения и мышления, иная

ментальность и философия жизни. Характеристика осложняется еще и тем, что у горожан они одни, у селян другие. К этому следует добавить замалчивание фактов или намеренное придание их трактовке неверного смысла, лукавство и приемы травестирования мировых масс-медиа, что еще более запутывает и усложняет их исследование. Теперь за свое упущение Запад расплачивается сполна. И только непониманием (или так было спланировано) можно объяснить то, что, начав войну с мировым терроризмом, США погрузились в нескончаемую баталию с пуштунами. И что характерно, в отличие от моджахедов, за ними не стоит супердержава, а сопротивление день ото дня ширится. При этом США, опосредованно, и Межведомственная разведка Пакистана стояли у истоков создания движения «Талибан».

Вернемся к истории. В годы экспансии англичане, озабоченные безопасностью Британской Индии, пришли к неутешительному выводу, что их прежде безотказно результативная политика «разделяй и властвуй» в Афганистане не всегда срабатывает. Нашли причину. Она крылась в том, что пуштуны сохранили в неприкосновенности свои племенные и родовые структуры и традиции, в основе которых лежит господство племенного и феодального сепаратизма. Эта социальная архаика совершенствовалась веками и отвечала требованиям простых людей. Большой урон англичане понесли, когда пытались проникнуть на территории расселения некоторых племен, что в итоге вынудило их отказаться от попыток завоевать Афганистан, но желание контролировать ситуацию, а вместе с этим и иметь хоть какую-то предсказуемость, не убавилось. Для этого эмирам и племенным вождям предоставлялись денежные субсидии. Но в стране всегда находились те, для кого честь выше злата, и, на худой конец, те, кому оно не доставалось или доставалось, но не в том объеме, в котором бы им хотелось. Как это случилось при эмире Якуб-хане (1879, тут и ниже в скобках даны годы правления — *А.И.*), подписавшем Гайдамакский договор и уступившем контроль над стратегически важными горными проходами. Афганцы возмутились. Повстанцы перерезали тыловые коммуникации англичан. Та же тактика применяется талибами и сейчас.

Претендентов на афганский престол всегда хватало. После низложения англичанами Якуб-хана свои претензии на него предъявили около 30 соискателей из числа пуштунской племенной элиты. Период смуты прервал эмир Абдурахман (1880—1901). Он успешно использовал мобилизационную способность ислама для борьбы с Британской Индией. Как и его предшественники, когда угроза прямого

захвата миновала, сосредоточил усилия на консолидации страны. За жестокость, с какой он это осуществлял, афганцы называли его «железным эмиром». Как и во времена Дурранийской державы, его ударной силой были пуштуны юга и юго-востока страны. Их усилиями, в основном, и формировалась афганская государственность.

Джордж Тенет в своей книге «В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ» пишет: «Глубоко внутри исламского фундаменталистского общества крепла ненависть к Западу. Причин для такой ненависти множество. Мы могли видеть приближение этой ненависти...». Фундаментализм тут ни при чем, он лишь следствие. Применительно к Афганистану, впрочем, и ко всему исламскому миру в целом у нее исторические корни. Эмир Абдурахман под угрозой новой войны с англичанами был вынужден подписать соглашение о линии Дюранда, разделившей пуштунов. В 1905 г. англичане, осуществляя ирано-афганское размежевание, провели линию Мак-Магона, разделившую белуджей и брагуев. Для полноты картины осталось добавить, что Российская империя определила свою южную границу по рекам Амударья и Пяндж, разделившую таджиков, туркмен и узбеков. Афганистан стал страной разделенных народов. О соплеменниках по ту сторону линии Дюранда в Кабуле никогда не забывали. Для эмиров эти территории были передним краем обороны. Сами пуштуны по этому поводу говорят: «Воду палкой не поделишь».

И с рознью в крови рождены

Еще один важный аспект темы: модернизация. Прогрессисты и в период правления эмира Амануллы (1919—1929), и после него не скупилась на обещания, но темпы ее проведения и пренебрежительное отношение к комплексу местных условий, в первую очередь к племенному фактору, обрекли их на неудачу. Победив в третьей англо-афганской войне (хотя, образно говоря, она закончилась вничью), он совершил одну непоправимую (в целом их было хоть отбавляй) ошибку. Удовлетворившись сохранением независимости Афганистана и правом самостоятельно определять судьбу страны, он отказался защищать права племен пограничной зоны, боровшихся с британскими колониальными властями. Скорее всего, это было воспринято как кощунство, поскольку королевский род мухаммадзев своими корнями происходил из Пешаварской долины. Вероятно, именно это стало одним из факторов охлаждения во взаимоотношениях Амануллы и влиятельного в зоне племен семейства Фазл Рах-

мана Моджаддеди, которое вскоре сменилось откровенной враждебностью. Моджаддеди — титул, ставший наследственным, означает «обновитель тысячелетия». Сам же хазрат (святой) Фазл Рахман был наследным пиром суфийского ордена Накшбандия.

Исследователь региона с 32-летним стажем Василий Кравцов, служивший в Афганистане советником, убежден: «В Афганистане есть две вещи, без которых ничего не понять: племена и тарриакты». Суфийский фактор, который всегда был одним из важнейших в политической жизни Афганистана, до сих пор аналитиками не учитывается, а зря. Беседы с Кравцовым, равно как и изданная по его инициативе книга Владимира Басова «Национальное и племенное в Афганистане, к пониманию невоенных истоков афганского кризиса», открыли глаза на многие обстоятельства, прежде остававшиеся без внимания.

Характерно, когда государство не способно выполнять свои функции, роль племен возрастает. А они постоянно враждуют между собой. По поводу своей сплоченности они горько шутят: «Афганцы живут в мире тогда, когда они воюют». То есть если появляется внешний враг. Но и это половина правды. Междоусобные войны ни на минуту не стихают, хотя на первый план выходит борьба с агрессором. Так было и при советском присутствии в Афганистане. С выводом шурави и последовавшим за ним крахом режима Наджибуллы (1986—1992), моджахеды «утратили врага», а с ним и объединяющий фактор. На первый план снова вышла междоусобица, вспыхнувшая с новой силой. Того же следует ожидать после вывода иностранных контингентов из Афганистана.

Об афганских уроках эксперты Московского фонда Карнеги Дмитрий Тренин и Алексей Малашенко пишут: «Они поняли, как важно учитывать хитросплетения трайбалистских структур. Они узнали, что деньги здесь сильнее оружия, а религиозные убеждения и племенные обычаи сильнее денег. Им стало очевидно, что любые отношения с афганцами носят обратимый характер: враги могут вдруг превратиться в союзников, а союзники — с легкостью предать, и что эти временные враги и союзники, по сути, одинаково не любят чужаков, хотя и не упустят случая использовать их к своей выгоде». Так оно и есть, но, что характерно: авторы адресуют урок только России. Но в чем причина такого поведения? У афганцев многовекторная, а зачастую и разнонаправленная система ориентации: национальная, родовая, племенная, клановая, религиозная. Есть идентификация географическая: горные пуштуны большие традиционалисты,

чем равнинные, впрочем, есть идентификация, зависящая от образа жизни: оседлые и кочевые. Первые, по сравнению с номадами, тоже большие традиционалисты. В этой связи разные ситуации диктуют афганцам разные линии поведения. Показательно: все афганцы придерживаются кодекса чести пуштунов — пуштунвали, в котором есть общие базовые понятия, но и тут у каждого племени свои особенности.

Шмели и шершни

Наступило смутное время правления таджика Бача-и Сакао (1929), который, будучи поддержан кланом Моджаддеди, под именем Хабибуллы Гази на несколько месяцев узурпировал трон. Хазрат писал ему о том, что он направил четырехтысячное ополчение гильзаев воевать против Амануллы в Кандагар и Южную провинцию (следует учитывать, что тогда административное деление Афганистана было другим), которое нанесло такой урон войскам эмира, что о дальнейшем продвижении в сторону Кабула не могло быть и речи. Этот период их истории характеризуется обострением этнических противоречий между таджиками и пуштунами, таджиками и хазарейцами. Следует обратить внимание и на то, что на стороне «сына водоноса» выступили некоторые племена пуштунов из конфедерации гильзаев (в описываемые времена их численность оценивалась в 1,5 млн) — извечных противников дуррани (2 млн), чьи династии правили Афганистаном. Глава племени гильзаев-ахмадзаев Гиясуддин провозгласил себя эмиром в Хосте. Территориально он распространял свою власть на значительную часть южной провинции. Жители Гардеза считали его сторонником Сакао, по этой причине отказались ему присягать. Казалось бы, мелкий эпизод истории, не более, но в деле понимания пуштунов порой именно мелочи бывают определяющими.

Дуррани обладали дарованными им эмирами льготами и привилегиями. Всего на территории страны проживает около ста племен пуштунов, каждое численностью от 30 до 150 тысяч человек. Англичане называли их самым большим резервуаром повстанцев в мире. Одни восставали против Кабула, другие — в лучшем случае соблюдали нейтралитет, третьи за те же самые льготы и привилегии, обычно даруемые за счет ущемления бунтовщиков, принимали участие в подавлении восстаний и мятежей. Но и тогда их лояльность не была безоговорочной. В истории Афганистана восстаний племен

было неисчислимо множество. С воцарением Надир-шаха (1929—1933), несмотря на восстание в районе Хоста, ситуация постепенно стала стабилизироваться. Хазрат получил посты министра юстиции и председателя Совета улемов. Его влияние достигло высшей точки, а он снова пустился плести паутину интриг, в его хитроумных комбинациях находилось место и амануллистам, и сторонникам Сакао.

Что касается модернизаций, то, суммируя их опыт в странах мусульманского Востока, можно констатировать: результат чаще всего приводил к усилению позиций традиционализма. Основная масса населения не понимала целей прогрессистов. Проведение реформ и тогда, и сейчас сдерживается не только сопротивлением противников и неготовностью социума, узким кругом людей, заинтересованных в преобразованиях, но и вполне демократическим требованием, согласно которому все решения, имеющие государственную важность, должны приниматься на основе консенсуса, то есть в соответствии с решениями Лойя Джирги — собрания представителей племен и духовенства. У каждого народа свое вече. Это понятная институция для всех слоев афганского социума. Есть еще один вид джирги — собрание народа, которое ограничивает абсолютизм вождей: ханов, сардаров, маликов. Без поддержки простонародья они теряют влияние и сторонников. В моем понимании, это как две палаты парламента. Есть шура, решающая проблемы регионального и провинциального масштаба. И эта система, насколько я понимаю, на протяжении веков тоже совершенствовалась. Взамен пуштунам, впрочем, как и всему мусульманскому миру, под видом модернизации навязывают англо-саксонские нормы, внедряют западную экономическую доктрину вместо своей — исламской. Складывается впечатление, что в восприятии афганцев западная демократия — это особый вид религии, к которой их усердно приобщают. Уместно добавить, что такой институт, как джирга, образовался раньше, чем английский король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей.

При этом наблюдается закономерность, описанная советским востоковедом Игорем Катковым, чем больше обостряется ситуация в зоне племен, тем более «активно восстановление “идеальных” характеристик пуштунского племени, что влечет за собой сглаживание противоречий внутри самого племени, связанных с процессом внутриплеменного классового расслоения». Первым президентом Афганистана стал Мухаммад Дауд (1973—1978), свергший своего кузена — неспешно реформировавшего страну короля Захир-шаха

(1933—1973). Позже афганцы станут называть этот период «золотым веком». Примечательно, что только в 1937 г. язык пушту был признан государственным, дари получил этот статус раньше. Дауд был одержим идеей объединить соплеменников в одном доме — Пуштунистане. В 1975 г. власти подавили мятеж «Мусульманской молодежи», участником которого был ставший одним из лидеров моджахедов Ахмад-шах Масуд. Получившие известность на ниве борьбы с «шурави» Гульбеддин Хекматиар, Джелалуддин Хаккани, как и Сибгатулла Моджаддеди (сын хазрата), тогда он был одним из руководителей «Мусульманского братства», также были противниками Дауда. Характерно, что позднее он отказался от активной поддержки Великого Пуштунистана, после чего популярность афганского лидера в народе пошла на убыль. Финансирование и снабжение оружием мятежников осуществлялось пакистанскими спецслужбами по решению Зульф리카ра Али Бхутто. Дауда и Бхутто роднило то, что оба были модернизаторами. Оба кончили плачевно. В Пакистане режим стал более консервативным, а в Афганистане к власти пришла НДПА.

В дальнейшем Масуд станет военным лидером «Северного Альянса», Хаккани — талибом (в боях с «Северным Альянсом» и американцами он командовал Южным фронтом), за голову которого те назначат миллионы долларов. Ирония судьбы заключается в том, что еще недавно они называли его «воплощением доброты» и «верным муллой». Хаккани был любимым полевым командиром моджахедов конгрессмена Чарли Уилсона, финансировавшего антисоветский джихад. С началом контртеррористической операции, Хекматиар солидаризировался с талибами. На заключительном этапе джихада трезвые головы в Америке стали задумываться над тем, чтобы передать его в руки умеренных мусульман. Моджаддеди предупреждал их о кровожадности и исламском радикализме Хекматиара, называл его «настоящим чудовищем и врагом Афганистана». Есть версия, что тот был причастен к убийству в Пешаваре Азимуллы — одного из сыновей Моджаддеди.

Рабы традиций

Тараки (1978—1979) обещал Политбюро ЦК КПСС, что через пять лет мечети будут пусты. Амин (1979) брался управиться со строительством социализма за десять лет. Чистейшей воды волюнтаризм: для афганцев сохранение традиций, прежнего уклада жиз-

ни и обычаев предков, жить с ними одной жизнью превыше всего. Лидеры НДПА называли их «пережитками прошлого», но именно они позволяли пуштунам оставаться самими собой. И что характерно, большинство экспертов сходится во мнении, что в подобных условиях религиозная идентичность пуштунов отступает на второе место.

Благодаря Басову, советские руководители ориентировались в сути внутривнутриполитических процессов, проходивших в афганском обществе, понимали особенности пуштунов, но не знали, как использовать знания на практике. Эта же застарелая проблема имеет место быть и у американцев. Следует констатировать, что Саурская «революция» — это ожесточенная борьба за первенство в Афганистане, осложненная межплеменной конкуренцией между нацменьшинствами и пуштунами. В адрес нещадно ссорившихся Кармалы (1980—1986) и Тараки поступило письмо ЦК КПСС, которое гласило: «В мировом коммунистическом движении от каждой страны участвует только одна марксистско-ленинская партия...», что в еще большей степени обострило конкуренцию между фракциями. Никто не хотел уступать. Халькисты (от слова «хальк» — народ) — в основном уроженцы периферийных районов, юго-восточных и южных провинций, в большинстве своем пуштуны. Парчамисты (от слова «парчам» — знамя) — в большинстве своем горожане, особенно из Кабула и его предместий, представители богатых слоев общества. Но тут представительство таджиков было более значительным. Главное расхождение — разногласия в ЦК НДПА, в большей степени связанные с национальным вопросом, панпуштунскими амбициями и национальными интересами непуштунской части партии. Такая двойственность была характерна не только для нее. У оппозиционной к ней Исламской партии Афганистана было два самостоятельных крыла, одно возглавлял Хекматиар, другое — Юнус Халес. Два крыла было у также оппозиционной хазарейской Партии исламского единства Афганистана. В настоящее время в Афганистане официально зарегистрировано более 150 партий и движений. Если воспринимать их количество как показатель развития демократии, то этот процесс рукотворен. Надо полагать, что за этим стоят внешние силы. Становится очевидным, что предпринимаются попытки деструкции, ставящие целью развалить социум, прежде всего, пуштунов.

Сами афганцы по поводу своей «многопартийности» горько шутят: два афганца — три партии. Модернизация — благо, но шурави

построили туннель на перевале Саланг. До этого машины с товарами разгружались на подъездах к перевалу, перегружались на гужевой транспорт и доставлялись на северный склон, где снова грузились на машины. И тысячи таджиков Панджшира лишились денег за перевалку грузов. Взамен ничего предоставлено не было. По мнению Кравцова, именно это стало одним из факторов того, что панджширцы ополчились на шурави и их ограниченный контингент. Если рассматривать этот аспект более детально, то выяснится, что национализация лесов противоречила извечному промыслу лесорубов и контрабанде древесины из пограничных с Пакистаном провинций. Леса стали попросту жечь. Беспорядки в этом регионе начались одними из первых. Предпринимались меры, направленные на пресечение контрабанды из Пакистана, а это затрагивало интересы пуштунов, занимавшихся традиционным для них промыслом — транзитом товаров, а вместе с ними лавочников и коробейников — повинда. С этой точки зрения ни один инфраструктурный проект в Афганистане не рассматривается до сих пор. Поэтому не стоит удивляться тому, что почти все объекты, построенные в годы советского присутствия в Афганистане, разрушены. Для лидеров НДПА зона племен стала линией фронта. Как писал об этом Басов (в те годы первый секретарь советского посольства в Кабуле), они проводили политику, не основанную на национальных интересах, а руководствовались только собственной выгодой и пытались навязать преобразования, чуждые традициям и жизни афганцев. Он пришел к пониманию того, что те манипулировали советниками, решая с их помощью собственные и клановые проблемы. Попутно афганские «прогрессивные силы» дезориентировали значительную часть населения.

Фрагменты головоломки

Отношение суфийских лидеров к режиму НДПА, несмотря на репутацию роялистов, было неоднозначным. На начальном этапе ее правления наследный пир ордена Кадырия Саид Ахмади Гейлани был советником Тараки (два месяца), но после конфискации принадлежавшей ему собственности примкнул к оппозиции. Пир возводит свою родословную к мусульманскому святому Абд аль Кадыру Гейлани, похороненному в XII в. в Багдаде. Его клан — это гигантский спрут, щупальца которого присутствуют во всех странах исламского мира, исключая разве что Саудовскую Аравию из-за главенствующего в стране ваххабизма, отрицающего суфизм как наносное, а

стало быть, вредоносное явление. Светское образование получал в Англии, Франции и Германии, теологическое — в Ираке, Египте и Саудовской Аравии. Поддерживал идею исламской демократии. До полноты картины упомянем о том, что женой Наджибуллы была Фатима (Фатана) Гейлани. Такое вот совпадение. И Гейлани, и Моджаддеди осудили ввод советских войск в Афганистан.

Обладатель одной из самых звучных фамилий в мире ислама, поскольку он возводит свою родословную к Омару — третьему халифу правоверных, Сибгатулла Моджаддеди — известный теолог. Завершал образование в египетском медресе Аль-Азхар. В 1954 г., после покушения на президента Насера, заподозренный в близости к заговорщикам — «Братьям-мусульманам», вместе с родственниками был выслан из Египта. В 1960 г. был осужден за подготовку покушения на Никиту Хрущева, совершавшего визит в Афганистан. Срок заключения был незначительным. Дауд как-то в сердцах воскликнул: «В Афганистане не может быть прогресса, пока существует Кала-и Джавад» (район Кабула, в котором расположена вилла Моджаддеди). В феврале 1979 г. по приказу Амина были убиты 29 (по другим данным 21) членов его семейства и мюридов. В некоторых источниках приводятся данные о гибели с началом Саурской «революции» 109 его последователей. Уже в марте Моджаддеди издал фетву о начале джихада против «богопротивного» режима, а в декабре призвал формирующуюся вооруженную оппозицию к единству. Имеет обширные связи в арабских странах и широкий круг знакомств в Западной Европе и США, где преподавал исламскую теологию. Кругами эмигрантской оппозиции воспринимался как «сторонник западного варианта» решения афганской проблемы.

При этом у каждого суфийского лидера была своя партия. Позже партия Гейлани «Национальный исламский фронт Афганистана», как и партия Моджаддеди «Национальный фронт освобождения Афганистана», окажется в «Пешаварском альянсе». Кравцов считает, что большинство сторонников Гейлани — гильзай, в свою очередь, Моджаддеди поддерживают в основном дуррани. Это вовсе не означает, что среди сторонников пира нет дуррани, а хазрата не поддерживают гильзай. Есть, но они представлены в несколько меньшей степени. По мнению Кравцова, «...дело в том, что в одном и том же сколь-нибудь значимом племени якобы мирно сосуществуют, как правило, оба основных тарриката. Тем не менее нельзя не заметить, что в конкретных племенах, как правило, тот или иной таррикат преобладает и больше влияет на политическое поведение племени, не-

жели в этом же племени конкурирующий таррикат». И в этом он обнаруживает сходство с НДПА. Примечательно, что оба принадлежали к умеренному крылу «Пешаварского альянса». Между формированиями суфийских лидеров случались инциденты. Стало ли это причиной, сказать сложно, но, так или иначе, «Альянс монархистов» во главе с Моджаддеди распался. К приходу талибов суфийские лидеры отнеслись настороженно, но не сказать, чтобы враждебно, скорее блюли нейтралитет.

Следует обратить внимание и на то, что, объявив джихад «шурави», по какой-то причине ни Моджаддеди, ни Гейлани не стали этого делать по отношению к США. До недавнего времени первый был спикером парламента. Второй, в силу преклонного возраста, отошел от активной политической деятельности, но членами парламента являются его дети и племянники. Один из авторитетов пуштунского клана нурзаев как-то малозначительно (это свойственно афганцам) сказал мне, что «Саид Исхак Гейлани (племянник пира, глава одного из парламентских комитетов) является проводником американской политики в Афганистане». И это не просто констатация факта. Вероятно, что он станет приемником Карзая. Этой зимой мы виделись в Москве.

Modus operandi

Примечательно, что в конце сентября 2001 г. Буш задал вопрос главному американских войск в Афганистане генералу Томми Фрэнксу и его окружению: «Итак, кто будет управлять страной?», в ответ все промолчали. Американцы искали харизматичного лидера, который был бы способен сплотить южные племена против талибов. Кандидатов было двое: Абдул Хак (Джабар-хель — Ахмадзай),левой командир моджахедов, также пользовавшийся расположением Уилсона (Кравцов заслуженно считает Абдул Хака форменным отморозком), и Хамид Карзай, о котором в ту пору в Афганистане мало кто слыхивал. Тенет подробно описал то, что делалось для спасения моджахеда, когда в октябре 2001 г. тот попал в окружение. Пресса писала, как одноногий Абдул Хак (он потерял ногу в войне с шурави), поняв, что ему не уйти, остался прикрывать отход своих людей. Был схвачен и казнен талибами. Описывая происходящее, Тенет умолчал о том, что моджахеда сопровождали четыре американских телохранителя, которые выбрались из заварухи, не получив ни единой царапины. Кандидатура Карзая стала безальтернативной, что же

касается «легендарного» Абдул Хака, то тот возведен в ранг национального героя, погибшего за идеалы демократии. Охрану Карзая, как об этом пишет Тенет, стали осуществлять после того, как тот стал «необходимой величиной в афганском управлении».

В своих мемуарах «Ключевые решения» Джордж Буш упомянул о том, что по его просьбе Владимир Путин приказал своим генералам поделиться с американскими коллегами опытом ведения войны в Афганистане. Были ли они до конца откровенны? Карзай был агентом ЦРУ (кто в этом сомневается, смотрите фильм Майкла Мура «Фаренгейт 9/11») еще со времен советского присутствия. О его деятельности знали, но не пресекали. Складывается впечатление, что в каком-то смысле это согласованная фигура. Но ошибка была совершена та же, а афганцы отказываются поддерживать марионеток и не выносят принуждения. В качестве одной из задач Тенет называл: «...нам следовало активизировать контакты (он характеризовал их как слабые) с лидерами южных пуштунских племен, в том числе с шестью главами афганских суфийских орденов Накшбандия и Кадырия». Одним из «контактов» был мулла Усмани — командующий войсками талибов в Кандагаре, с которым встречался старший сотрудник ЦРУ в регионе. Ему предлагалось на выбор несколько вариантов решения проблемы — выдачи бен Ладена США, что было отвергнуто муллой Омаром. На второй встрече Усмани уже без обиняков было предложено сместить шефа. Тот отказался.

Это все просто в понимании прагматичного Запада, выдай злодея и получи денежный транш. Через что не смог переступить мулла Омар? Через «мелмастию» — обязанность предоставлять пищу и убежище любому страннику, вошедшему в дом пуштуна, даже если он враг. О тех, кто отказывал в этом, афганцы говорят: он не имеет пуштунвали. В беседе со мной экс-министр иностранных дел движения «Талибан» мулла Вакиль Мутаваккиль (некоторые аналитики называли его доверенным лицом муллы Омара), на тот момент только что вернувшийся из Гуантанамо, характеризовал своего бывшего патрона как честного, совестливого, чистого помыслами человека, мужественного воина, при этом упомянул, что каждому свойственно иметь свои недостатки. По его мнению, в последние годы тот отошел от коллегиальных принципов управления, которых придерживался, начиная с первых шагов. Мутаваккиль имел в виду принятие решения разрушить Бамианские статуи, которое стало поводом для очернения талибов. «Нам это сослужило дурную службу», — признавал он.

Грядут перемены

Отвечая на вопрос, что же не удалось талибам, Мутаваккиль говорил: «Добиться мирового признания. Я вам так скажу, проблема была не в нас, а в мировом сообществе. Мы не смогли наладить с ним отношения. У нас было одно мнение, у него — другое. Ему не нравилась суть нашего движения». Это и толкнуло талибов на союз с организацией «Аль-Каеда». В ходе моих поездок талибы стали открываться с другой стороны. Мои собеседники в Кандагаре, не скрывая их недостатков, говорили о спокойствии, царившем во времена правления талибов. Другой мой собеседник — владелец дукана из глубинки, приехавший в Кандагар за товарами для своей лавки, говорил: талиб нынче пошел другой. В его округе их кишмя кишит, но никто не карает его за продажу CD-дисков с индийскими фильмами, аэробикой и порнографией. На заключительном этапе своего правления талибы позволили женщинам выходить из дому без сопровождения, управлять автомобилем. Более того, приняли решение отмечать День 8 марта. Житель провинции Баглан вспоминал, как талибский губернатор Нурулла Нури всего себя отдавал служению народу. Они бесплатно прокладывали линии водоснабжения для изнывающих от засухи жителей Кандагара. О том, как в 1999 г. глава разведки «Талибана» и его заместитель спасли от гибели пассажиров индийского лайнера, угнанного кашмирскими террористами, мне рассказывал кандагарский журналист Наджибулла Ацакзай.

Любая война — затратное дело. Аналитики ломают голову над тем, кто финансирует талибов? В Джелалабаде мне рассказывали о том, что торговцы добровольно отчисляют 10% своих прибылей «Талибану», о том, что в городе действует подполье, имеющее устойчивые связи с пуштунами по ту сторону границы. А торговля в Афганистане — главный вид предпринимательской деятельности. При этом все мои собеседники, без исключения, констатировали: бюрократии и коррупции, в которой погряз режим Карзая, при талибах попросту не было, те карали за это жестко. Талибов обвиняли в жестокости. Мировые СМИ живописали публичные казни на стадионах. Но те только расследовали уголовное дело. Добившись признания, они трижды предлагали родным и близким их жертв простить преступника, читали им суры о прощении и только после трехкратного отказа вручали им оружие для свершения возмездия. Мне не раз приходилось выслушивать мнение собеседников из чис-

ла талибов, выражающих свое отрицательное отношение к арабам из «Аль-Каеды» и их жестокости.

На конференциях, посвященных Афганистану, эксперты стали робко высказывать мнение о том, что с уходом американцев и их союзников «Талибан» может трансформироваться в национально-освободительное движение. Это уже случилось с первым выстрелом по иностранному контингенту. В стане талибов воюют не только ревнителю веры, но и те, для кого нестерпимо его присутствие в стране. Если брать проблему шире, то мировые СМИ пугают читателей агрессивностью ислама, огульно называя террористами повстанцев, воюющих с коррумпированными антинародными режимами и партизанами, сражающимися за освобождение страны и национальные права своего народа. Причем боевые действия против представителей власти, армии и спецслужб мировое право не рассматривает в качестве террористических, как это, к примеру, делается мировым сообществом по отношению к сирийским повстанцам. Уместно будет сказать, что после многолетнего запрета египетских властей «Братья-мусульмане» победили на недавних выборах в парламент и обещали вести свою деятельность строго «в рамках норм демократии». И это начинают применять к талибам.

Одни аналитики склонны видеть в возникновении «Талибана» руку Исламабада, особо выделяя их идеологию — религиозный фанатизм, другие — противников дезинтеграции страны. Соглашаясь с этим, следует отметить, что, во-первых, «Талибан» руководствуется собственными императивами. Во-вторых, талибы бывают разные и в отношении их следует применять дифференцированный подход. В-третьих, его появление объективно. Это пуштунский ответ на модернизацию и захват власти таджиками. Именно ломка социально-экономических структур, убийственных для основной части населения, создает базу для экстремизма, к которому приобщаются люди, отчаявшиеся, утратившие свой социальный статус. И что Карзай и мировое сообщество могут этому противопоставить? Ровным счетом ничего! Эксперты отмечают, что успехи талибов обусловлены в первую очередь растущей поддержкой населения, особенно на юге и юго-востоке страны. Ее уровень ими оценивается от 20 до 30% местного населения. В реальности он в разы выше.

На правительственную армию и афганские силы безопасности надежд никаких. Советская пресса 1980-х гг. сообщала о том, что моджахеды чуть ли не строем переходили на сторону народной власти. Во-первых, не столь массово, во-вторых, умалчивалась причина

этого. К власти приходили парчамисты — халькисты дезертировали из армии, а их многочисленная родня уходила за кордон. Когда первенствовали халькисты, наблюдалась обратная картина. Уходили не просто потенциальные моджахеды, уходили налогоплательщики. Сейчас все чаще стали говорить о национальном примирении. Практика советского присутствия показала, что пуштуны воспринимали это как признак слабости. Она закончилась провалом. При этом Наджибулла обладал большими знаниями и возможностями, чем Карзай. Говорят о «налаживании диалога» с умеренными талибами. Это эвфемизм слова «торг». А те, «используя к своей выгоде», потребуют значительные суммы, поэтому вывод войск станет сложным мероприятием. Исчисляются полагающийся им кун, тут они припомнят все, и время играет на их стороне. Ведутся переговоры с Хекматиаром, надо полагать, вскоре следует ожидать встреч с Хаккани. Но при этом главное требование талибов остается неизменным: вывод иностранных контингентов и уход Карзая. Заметим, что он пуштундуррани. Так что не следует исключать вероятности очередного прихода во власть гильзаев.

Terra incognita

Как сообщают афганские СМИ, министр информации и культуры Афганистана Саид Махдум Рахим стремится использовать суфизм в попытках обуздать талибов, хотя и призывает суфиев умирить свои театрализованные богослужения в преддверие переговоров по вопросу примирения. И это неспроста. По мнению одного афганского эксперта, «Рахим возрождает суфизм и ложи, практикующие мистицизм, именно потому, что полагает, что они могут стать орудием, способным остановить политический ислам и талибов». Насколько эти планы осуществимы, сказать сложно. Моджаддеди заявляет: «Талибы — наши братья, они — часть нашего народа». Следует отметить, что в 1992—1994 гг. Карзай занимал пост заместителя министра иностранных дел в правительстве Бурхануддина Раббани и, что примечательно, согласно квоте «Национального фронта спасения Афганистана», который возглавлял хазрат. Не исключено, что США хотят передать власть суфиям. И еще один подзабытый факт: в феврале 1989 г. оппозиция избрала Моджаддеди президентом переходного правительства, а в апреле 1992 г. он был объявлен исполняющим обязанности президента Исламского государства Афганистан. Тот опыт был отрицательным, но он есть. Тог-

да он передал полномочия Раббани, теперь тот мертв (скорее всего, из-за этого и был убит), а посему на этот раз власть от суфиев перейдет к талибам.

В Белом доме понимают, что приход талибов во власть неизбежен. И для того, чтобы хотя бы в какой-то мере сохранить свое лицо, Вашингтону необходимо отсрочить этот момент. То есть нужно переходное правительство. При этом их предстоящий уход страшит нацменьшинства. Возможны два сценария развития событий: дальнейшая децентрализация страны либо усиление центральной, читай пуштунской, власти, что породит недовольство меньшинств, да и части самих пуштунов тоже. Примечательно: и те, и другие выступают категорически против раскола страны. Но у нацменьшинств есть слабое звено — лидер этнических узбеков генерал Дустум. После того, что делали узбеки с пуштунами и пуштуны с узбеками в Мазари-Шарифе, это кажется невероятным, но это возможно. Не стоит рассчитывать на полноценный союз узбеков и пуштунов, он будет недолгим, но он будет. Бросается в глаза и то, что, отступая, талибы не взорвали его дом в Шибергане, впрочем, как и дом в Каяне и виллы в Пули-Хумри, принадлежащие лидеру афганских исмаилитов Саиду Мансуру Надери. Несколько лет назад я стал очевидцем того, как брат узбекского лидера радушно встречал в резиденции Дустума бывшего талибского губернатора провинции Фарьяб Насима Миди и его многочисленную свиту. Внезапный переход Дустума и Надери на сторону моджахедов, вкупе с развалом СССР, обеспечил поражение Наджибуллы. То есть с ними талибы могут договориться. Остаются хазарейцы и таджики. Увы, второго Масуда у них нет. Как мне представляется, в этой связи им следует искать компромиссы, а не культурологические и иные отличия, как это делают таджикские участники афганских конференций, на которых пуштуны участия не принимают из-за неказания им визовой поддержки. Решив проблему, талибы, как и эмиры, станут строить стабильное, главное, предсказуемое государство. Вопрос вопросов заключается в том, насколько они усвоили опыт предыдущего правления. Складывается впечатление, что «Талибан» способен меняться. Одни талибы в большей степени, другие — в меньшей.

Занятно и то, что Карзай твердит о недалеком дне, когда афганцы примкнут к сонму цивилизованных народов. Невдомек ему, что этим он оскорбляет сорок миллионов своих соплеменников по обе стороны границы. Если они станут таковыми, то это уже будут не те афганцы. Они сильны тем, что имеют, что они такие. Надо понять,

что ими движет, и чем скорее мы это сделаем, тем скорее наступит мир, который коврами бомбежками не достичь.

Однако у пуштунов нет общепризнанного лидера. Многое для них непонятно. К примеру, каким это образом среди 11 депутатов от преимущественно населенной ими провинции Газни не оказалось ни одного их соплеменника? Одни хазарейцы! Многое не понятно и аналитикам. Если гильзайско-дурранийское противостояние стало классикой жанра, то его следует воспринимать только как первое приближение к раскрытию темы. Взаимоотношения между другими конфедерациями, племенами, кланами, родами и внутри родов пока остаются тайной за семью печатями, с которой афганцы не горят желанием делиться, ибо эти знания могут дать власть над ними. А нам, для того чтобы строить прогнозы, все это необходимо знать. Знать, но не влезать. Увы, миром правят интересы.

Двадцатилетие независимости Республики Казахстан: достижения и перспективы в социальной сфере

ЖАРКЫНБАЕВА Р.С.

XX век вошел в мировую историю не только как век научно-технической революции, но и как век пробуждения к самостоятельной жизни многих народов, обретения ими независимости. В конце двадцатого столетия человечество стало свидетелем крушения Советского Союза и обретения независимости бывшими республиками.

За последние двадцать лет в развитии Казахстана произошли кардинальные изменения, хотя в историческом плане это и небольшой срок, для нашего государства они по своей значимости и насыщенности равнозначны вековым эволюционным изменениям. Не случайно Н.А. Назарбаев свое выступление на торжественном собрании, посвященном десятилетию независимости 16 декабря 2001 г. назвал «Десять лет, равные столетию». Так, обретя независимость, Казахстан за короткий исторический срок, «спрессовав» время, проделал путь, свершающийся в мировой истории за столетия.

Сохранение и удержание независимости является приоритетной задачей стран СНГ, в том числе и Казахстана, ибо только в этих условиях возможно дальнейшее эффективное развитие, раскрытие творческого потенциала народа, возвращение на новом уровне к своим истокам, которые и составляют, собственно говоря, основу независимости.

Условия вначале независимости, с точки зрения человеческого развития, были не так уж и плохи. Население Казахстана было об-

разованным (уровень грамотности составлял почти 100%), здоровым и имело долгую продолжительность жизни. Хотя система здравоохранения бывшего Советского Союза имела свои недостатки, в советское время было достигнуто существенное улучшение здоровья населения, включая значительное снижение заболеваемости и смертности. Разница в доходах (индекс Джини) была низкой, существовал широкий ряд социальных услуг и доступ к ним был равным.

Казахстан, согласно оценкам, сделанным на основе обследований бюджетов, был в 1989 г. наименее бедной республикой Центрально-азиатского региона бывшего Советского Союза: только 15% населения республики имело доход ниже «социально приемлемого уровня». В республиках Средней Азии значение этого показателя находилось в пределах от 33 до 52% [1]. В стране было обилие природного капитала, большая часть которого еще не была освоена.

Но страна переживала серьезные экологические проблемы. В результате 500 ядерных взрывов, проведенных СССР на ядерном полигоне в Семипалатинске (Восточный Казахстан), пострадало более 1,5 миллиона человек, была заражена огромная территория. Вторая проблема была связана с высыханием Аральского моря — одного из крупнейших водоемов в Центральной Азии — с соответствующими катастрофическими последствиями для людей и земли. Наблюдался подъем уровня воды в Каспийском море, радиоактивное и промышленное загрязнение во многих городах. Таким образом, в социальной помощи нуждалось большое количество граждан государства, проживающих в экологически неблагоприятных регионах страны.

Начало 1990-х гг. было наиболее драматичным и противоречивым в истории независимого Казахстана. В это время в социально-политической жизни государства произошли коренные преобразования, страна встала на путь радикальных социально-экономических реформ. Не только в Казахстане, но и во всех бывших союзных республиках реформы привели к значительной социально-экономической дифференциации, часть населения испытала резкое снижение уровня жизни и была дезориентирована.

Крушение советской системы социальной защиты, полной занятости привело к глубоким социальным потрясениям. Тяжелейшие последствия переходного периода выразились в спаде производства, структурной безработице, маргинализации населения, привели к сокращению продолжительности жизни и ухудшению здоровья населения, росту насилия, наркомании, криминализации общества. Все это создавало большие проблемы для построения независимого государ-

ства с сильными экономическими, социальными и политическими институтами.

Как известно, финансирование социальной сферы в советский период было неоднозначным, поскольку осуществлялось по «остаточному» принципу и усугублялось региональными диспропорциями. Необходимо отметить то, что несмотря на значительные достижения в советский период в социальной сфере, в частности в области здравоохранения и образования, ситуация с качеством жизни в Средней Азии и Казахстане в начале 1990-х гг. была удручающей. Как отметил Н.А. Назарбаев на встрече руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате 22—23 июня 1990 г., «Средняя Азия и Казахстан характеризуются сырьевой направленностью в экономике со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Серьезно отстает социальное развитие, по потреблению социальных благ и услуг мы оказались на последних местах по стране. Достаточно сказать, что средний размер используемого национального дохода на душу населения составляет лишь 1 450 рублей, или 57% от средне-союзного уровня. Большую тревогу вызывает состояние экологии, здравоохранение, особенно детская смертность, невысокая продолжительность жизни населения, а также неудовлетворительное продовольственное снабжение населения» [2].

И. Каримов также отмечал: «Считается в порядке вещей, что по всем показателям, которые содержат статистические сборники и материалы Госплана СССР, других союзных органов и в Правительстве СССР, привыкли считать, что Среднеазиатскому региону и Казахстану так и замыкать список союзных республик с точки зрения уровня жизни, прежде всего на селе» [3].

Среднеазиатские республики были одними из беднейших советских республик. Все основные показатели уровня жизни были ниже, чем в среднем по СССР. Так, индекс среднедушевого дохода (СССР = 100) в Узбекистане составил 34, Киргизии — 45, Туркмении — 50, Таджикистане — 32; среднедушевого потребления — соответственно 71, 67, 71, 57 [4].

Таким образом, хотя в советское время на территории Средней Азии и Казахстана была развернута довольно обширная инфраструктура промышленных предприятий, если рассматривать промышленность региона в структурном разрезе, нетрудно будет заметить ее сохранявшуюся сырьевую направленность. Колоссальные объемы целевых финансовых вливаний в сельское хозяйство не давали адекватной отдачи.

Получив в декабре 1991 г. независимость и суверенитет, бывшие республики Советского Союза и новые независимые государства далее развивались по различным траекториям трансформации, что было обусловлено стартовыми социально-экономическими условиями, национальными особенностями и политическими целями и убеждениями лидеров.

Как отметил в своем выступлении Н.А. Назарбаев, «...для страны с переходной экономикой существует два сценария будущего:

1. Консервация сложившихся пропорций в экономике, ее неуклонное превращение в дезинтегрированную и контролируемую извне сырьевую периферию мирового рынка.

2. Быстрое восстановление и развитие своего научно-производственного потенциала на основе самых современных и эффективных технологий, рост производства и инвестиций.

Мы выбираем второй путь — формирование казахстанской модели экономики, которая будет обладать потенциалом долгосрочного динамичного роста, конкурентоспособностью и эффективностью, позволит решать задачи повышения уровня жизни наших людей, сохраняя целостность и безопасность страны» [5].

Особое внимание Н.А. Назарбаев обращал на то, что Казахстан не нацелен слепо перенимать чужие политические модели. В книге «Казахстанский путь» отмечается, что, наряду с поиском оптимальной экономической модели, важно было определиться и с идеологическими ориентирами. Перспективы были такие: социалистическая идея, которая была еще очень сильна, традиционализм и либеральные идеи. Признавая, что либеральная идея — один из наиболее ярких и зримых вкладов Запада в мировую политическую теорию и практику и является доминирующей политической идеологией в целых регионах планеты, Н.А. Назарбаев писал: «Однако уже тогда было ясно, что при механическом переносе западной либеральной идеологии в Казахстан ее проводники столкнутся с таким явлением, как культура — в широком, в том числе и политическом смысле. Нельзя мгновенно изменить ее характер и идеалы. Необходимо постепенно, цивилизованным способом на основе реальных реформ преобразовывать тип политической культуры» [6].

Так, в политике реформирования все центральноазиатские республики опирались на различные идеологии развития и разный инструментарий экономической и социальной политики. Киргизия, Казахстан и Таджикистан оказались наиболее восприимчивыми к между-

народным рекомендациям, сформулированным в духе неоклассического либерализма.

В начале 1990-х гг. Казахстан переживал бурный период перехода к рыночным формам хозяйствования, в результате структурных преобразований в государстве начали возникать новые и обостряться старые проблемы социального развития, появилась массовая безработица, зарождающийся рынок начал диктовать необходимость изменения подходов к социальной защите.

Министерство труда Казахской ССР отмечало, что есть все основания полагать, что принимаемые в республике активные шаги по формированию рыночных отношений обострят ситуацию на рынке труда. Вступят в действие последствия приватизации, перехода «союзных» предприятий под юрисдикцию республики, предстоящей либерализации цен. Нельзя было сбрасывать со счетов и так называемую «скрытую» безработицу, вызванную развалом хозяйственных связей и продолжающимся падением уровня производства, возможное банкротство предприятий. Расчеты показывали, что в 1992 г. социальной защиты от безработицы могут потребовать 300—350 тысяч человек [7].

В целом численность занятых в народном хозяйстве Республики Казахстан к концу первого полугодия 1991 г. составляла 7,2 миллиона человек, из которых 90% трудились в государственном секторе экономики. В период проведения антикризисных программ предполагалось значительное высвобождение рабочей силы, обусловленное внедрением рыночных отношений. В первые две недели июля [с момента вступления в силу (1 июля 1991 г.) Закона КазССР «О занятости населения»] число обратившихся в службы занятости республики по вопросам трудоустройства составило 11 тысяч человек против 14,3 тысячи за весь предыдущий месяц. С целью регулирования складывающихся отношений на рынке рабочей силы и обеспечения социальных гарантий гражданам, в республике действовало 280 центров занятости: однако укомплектованность их кадрами не превышала 40%, каждый третий из них не имел соответствующего помещения для приема граждан [8].

Нельзя сказать, что Правительство РК не предпринимало меры для смягчения последствий перехода к рыночной экономике. В Республике Казахстан, согласно первому закону «О занятости населения» (1991 г.), были установлены дифференцированные пособия безработным в зависимости от их предыдущего трудового стажа, наличия иждивенцев, длительности перерывов в работе и других факторов.

Но проблема состояла в том, что, согласно действовавшему закону, «скрытые» безработные относились к занятому населению и не считались безработными. Не имея работы, они были вынуждены находиться в отпусках, часто без оплаты, или же работали неполный рабочий день. Постепенно по мере сокращения государственного кредитования и роста числа приватизированных предприятий количество официально зарегистрированных безработных начало расти, то есть неполная занятость стала превращаться в открытую безработицу.

Итоги первого полугодия 1991 г. свидетельствовали о том, что, несмотря на принимаемые меры, не удалось приостановить снижение объема производства, продукции, работ и услуг в отраслях народного хозяйства КазССР. Многократное увеличение розничных цен и тарифов ограничило возможности населения пользоваться услугами транспорта, торговли, бытового обслуживания, что послужило причиной снижения прибыли на предприятиях транспорта более чем на треть, торговли — более чем наполовину, предприятия бытового обслуживания получили убытки на 13 млн руб. против 21 млн руб. прибыли за пять месяцев 1990 г., а размер убытков предприятий коммунального хозяйства увеличился в 4 раза [9].

Сложной была и ситуация в сфере пенсионного обеспечения. Уровень пенсионного обеспечения в советском Казахстане был ниже, чем в ряде союзных республик и в целом по Союзу. Если средний размер пенсии по старости в республике составляет 93 руб., то в целом в СССР — 99 руб., в РСФСР — 101 руб., в Украине — 109 руб., а в прибалтийских республиках — еще выше. При этом удельный вес лиц, получающих минимальные пенсии в прибалтийских республиках и ряде других стран, в 2 раза ниже, чем в Казахстане, где после реализации нового закона «О пенсиях» до 900 тысяч человек будут получать пенсии ниже 100 руб. в месяц. Поэтому Министерство социального обеспечения КазССР отмечало, что в соответствии с декларацией «О государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики» необходимо приступить к разработке самостоятельных актов, регулирующих пенсионное и другие виды социального обеспечения граждан Казахской ССР [10].

Недооценка социальных проблем населения привела к накоплению массового недовольства, отразившегося в письмах общественных организаций. Письма представляют значительную ценность для исторических исследований, как своего рода взгляд «изнутри», ведь только письма могут помочь посмотреть на ход проведения реформ глазами обычных людей. Письма проливают свет на то, как люди раз-

ных социальных групп переживают те или иные события политической и социально-экономической истории государства, пропущенные сквозь призму личного восприятия. В Архиве Президента РК отложились 81 письмо с протестами от профсоюзных организаций, трудовых коллективов и отдельных лиц за период с 10 января по 17 октября 1991 г. В частности, в одном из этих писем отмечается: «Трудовой Коллектив института “ВНИИТ-арматура” крайне озабочен бесконтрольным повышением цен на продукты питания (в ряде случаев 10-кратным против цен 1989 г.). Требуем принятия незамедлительных мер по стабилизации цен на продукты питания, повышения социальной защищенности людей» [11]. В письме Северо-Казахстанского областного Совета профессиональных союзов отмечено: «...до настоящего времени нет программы по оказанию социальной помощи малообеспеченным гражданам, не разработаны минимальные потребительские бюджеты для различных групп населения, а также минимальные размеры оплаты труда, стипендиального, пенсионного и других видов социального обеспечения» [12].

Вместе с тем анализ сложившегося положения в экономическом и социальном развитии всего Центральноазиатского региона в 1991 г. показывал, что во всех республиках происходит спад производства. В первом полугодии 1991 г. практически всеми республиками не были выполнены программы капитального строительства. Произошел резкий спад ввода жилья, его сдано в среднем от 15 до 31% меньше соответствующего периода прошлого года. Неудовлетворительное положение складывалось и с вводом других объектов социальной сферы. Однако по отдельным направлениям строительства наметился определенный рост, в частности, по вводу общеобразовательных школ (Узбекская и Туркменская ССР), дошкольных учреждений (Казахская и Узбекская ССР), больниц (Киргизская ССР). Также надо отметить, что средняя денежная заработная плата рабочих и служащих в народном хозяйстве Казахстана была выше, чем в других среднеазиатских республиках. Например, в первом полугодии 1991 г. она была равна в Казахской ССР — 143,8, Узбекской ССР — 127,8, в Киргизской ССР — 122, Туркменской ССР — 122,6 руб. [13].

При всех несовершенствах многих нормативных актов, принятых в первые годы реформ, можно проследить стремление Правительства РК организовать социальную защиту населения. Министерство труда республики в качестве наиболее главных мер социальной защиты населения выделяло следующие:

- социальная поддержка слабозащищенных слоев населения в период предстоящей либерализации цен;

- реформирование заработной платы и усиление мотивации к производительному труду; создание организационных и финансовых условий государственного регулирования занятости населения [14].

В связи с повышением с апреля 1991 г. розничных цен, были предусмотрены минимальные компенсационные выплаты рабочим и служащим в размере 60 руб. в месяц в расчете на одного человека. Причем было установлено, что предприятия и организации возмещали связанные с этим затраты за счет снижения ставок налога на прибыль от 45 до 35% [15].

Анализ архивных источников приводит нас к выводу о том, что новые проблемы в социальном развитии Казахстана в начале 1990-х гг. обострились как за счет несовершенства законодательной базы и недостаточного финансирования, так и за счет отсутствия опыта в проведении реформ. В период социально-политической трансформации, на фоне нарастания негативных тенденций в социальной сфере, особенно остро начали выявляться проблемы социальной адаптации населения к новым условиям жизни, что нашло свое отражение в письмах-протестах от профсоюзных организаций, трудовых коллективов и отдельных лиц. Безусловно, процесс реформирования не дает сиюминутных результатов, способных за короткий отрезок времени привести к значительному повышению уровня жизни населения. В начальный период реформ большая часть населения находилась на стадии осознания новых, быстро меняющихся условий жизни, когда были утрачены старые нормы и ценности, а новые еще не были полностью осознаны и приняты.

Бесспорно то, что в столь крайне сложных внутренних и международных условиях Н.А. Назарбаев стал инициатором радикальных реформ и взял на себя ответственность за глубинные модернизационные преобразования в государстве.

Первые шаги в деле социальной защиты населения были приняты молодым государством в 1991 г., когда впервые в СНГ были приняты законы «О минимальном потребительском бюджете» и «О минимальной заработной плате и государственных социальных гарантиях в области оплаты труда». В первом законе государство пыталось гарантировать каждому гражданину возможность иметь денежный доход не ниже уровня минимального потребительского бюджета, который трактовался как черта бедности. Но прожиточный минимум 1991 г. был рассчитан по минимальным нормативам

без учета достигнутого уровня жизни народа и реального состояния экономики. В результате этот показатель оказался равным среднему уровню денежных доходов населения. По существу, государство брало на себя невыполнимое обязательство в условиях экономического кризиса половине населения оказывать социальную помощь. Однако уже через полгода Верховный Совет Казахстана вынужден был пересмотреть минимальный потребительский бюджет и принять новый закон по состоянию на 6 января 1992 г., в котором нормы потребления были снижены, а большинство непродовольственных товаров и услуг вообще исключены из состава. Этот прожиточный минимум резко критиковался профсоюзами за состав, и в ноябре 1992 г. Конституционный суд принял решение в пользу профсоюзов: действие закона «О минимальном потребительском бюджете» было приостановлено до разработки нового прожиточного минимума.

Представляет большой интерес тот факт, что Казахстан первым из всех постсоветских республик начал разрабатывать долгосрочные планы и программы социально-экономического развития страны. В 1992 г. в статье «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства» Н.А. Назарбаев изложил основные принципы модернизации казахстанского общества и государства, наметил ориентиры развития внутренней и внешней политики. Далее эти идеи в 1996 г. получили свое дальнейшее развитие в работе «На пороге XXI века», где была изложена целостная концепция модернизации суверенного Казахстана.

В октябре 1997 г. Президент РК впервые выступил со своим Посланием народу Казахстана, которое называлось «Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». Впоследствии этот документ стал широко известным под названием «Стратегия развития “Казахстан-2030”». В данном документе была проанализирована новейшая история независимого Казахстана и обозначены основные пути развития страны на ближайшие тридцать лет. В Стратегии развития «Казахстан-2030» были сформулированы семь долгосрочных приоритетов поступательного развития нашей страны, среди которых были выделены здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана, то есть основные составляющие устойчивого социального развития.

В Стратегии развития «Казахстан-2030» были представлены основы современной адресной социальной защиты: «Из нашего предыдущего опыта и из опыта других стран мира мы должны сделать два принципиальных вывода: Первый. Социальная поддержка насе-

ления со стороны государства может быть эффективна только в том случае, если она носит целевой и адресный характер. Государство обязано и фактически берет на себя ответственность за поддержку лишь тех членов общества, которые действительно нуждаются в этой помощи — а это, прежде всего, дети, многодетные матери, ветераны, инвалиды. Второй. Самой действенной социальной политикой была и остается политика мотивации к производительному труду и созданию новых рабочих мест» [16].

В настоящее время в Казахстане складывается своя национальная модель социальной политики, ориентированная на использование возможностей экономического роста для повышения благосостояния граждан. С 1992 г. началось создание законодательной базы по вопросам социальной защиты населения, были заложены основы для развития социального партнерства в таких приоритетных направлениях, как занятость населения, оплата труда, социальные гарантии гражданам и социальная защита наиболее уязвимых групп. Именно в этот период была создана национальная правовая база в области социальной защиты нетрудоспособного и социально уязвимого населения [Закон Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском испытательном ядерном полигоне» (1992 г.); Закон Республики Казахстан «О социальной защите граждан, пострадавших вследствие экологического бедствия в Приаралье» (1992 г.); Указ Президента Республики Казахстан «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (1992 г.); созданы: Фонд государственного социального страхования (1992 г.); Государственный фонд содействия занятости (1991 г.); Пенсионный фонд (1991 г.)]. Переломным годом стал 1995 г., когда относительно окрепла государственность и был пройден первый этап рыночных преобразований. Далее происходит процесс углубления социальных реформ. В связи с подъемом экономики, у государства появилась реальная возможность для проведения более активной социальной политики. Был принят ряд важных социальных программ, например, программа микрокредитования населения, развитие общественных работ, реформа пенсионной системы и др.

В целях преодоления неблагоприятных последствий переходного периода, Правительство РК провело серию реформ в области пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения и социальной защиты населения. Казахстан стал с 1998 г. первой страной в СНГ, которая начала планомерный переход к накопительной системе пенсионного обеспечения граждан, сформированной в трех уровнях: го-

сударственном, обязательном, индивидуальном и добровольном. На 1 января 2011 г. в Казахстане действуют 13 НПФ. Совокупный объем пенсионных накоплений возрос от 23,5 млрд тенге на 1 января 1999 г. до 2,3 трлн тенге на 1 января 2011 г., и в системе зарегистрировано порядка 8 млн индивидуальных пенсионных счетов граждан [17].

В Послании Президента народу Казахстана от 25 октября 2000 г. отмечалось то, что «...кризис не дал нам возможности заниматься всерьез благосостоянием людей. Теперь пришло время...» [18]. Принимается ряд законодательных актов и государственных программ, которые позволили обеспечить реформирование трудовых отношений и занятости населения, введение новых видов социальных пособий, создание адресной системы оказания социальной помощи и программы по борьбе с бедностью и безработицей. В 2001 г. была утверждена Концепция социальной защиты РК. Новая система социальной защиты Казахстана включает в себя элементы как солидарной, так и персонифицированной систем, как обязательного, так и добровольного страхования. Государственная адресная социальная помощь (АСП), введенная с 1 января 2002 г., предоставляется наименее обеспеченным слоям населения, уровень дохода которых не превышает «черту бедности». Именно практическая реализация закона «О государственной адресной социальной помощи» убедила, что адресная социальная помощь играет немаловажную роль в сокращении бедности.

С 1 января 2005 г. в соответствии с Законом Республики Казахстан «Об обязательном социальном страховании» в республике была введена система обязательного социального страхования, основной целью которой является возмещение части дохода, утраченного в результате возникновения социальных рисков (утраты трудоспособности, потери кормильца и потери работы).

Если проанализировать ежегодные послания Президента народу Казахстана, каждое из которых не только подводит определенные итоги развития страны, но и обуславливает основные направления ее дальнейшего развития, то можно проследить их особую социальную направленность.

Главной идеей Послания Главы государства народу Казахстана «Рост благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики» от 2008 г. стала общая концепция усиления роли государства, усиления его социальной политики. В Послании отмечается, что с 2000 г. расходы государственного бюджета на образование, здравоохранение и социальное обеспечение увеличились более

чем в 5 раз. Социальной защитой государства охвачено свыше 5 миллионов человек, и это вдвое больше, чем пять лет назад [19].

Оценка результатов дальнейшего социально-экономического развития республики может быть рассмотрена на основе динамики индекса человеческого развития (ИЧР), международного интегрального показателя, который включает в себя три основных компонента: уровень жизни, долголетие и образование и используется для упрощенного сравнения стран и рассмотрения ситуации в целом по стране.

В динамике ИЧР Казахстана выделяют два периода: первый (1990—1995 гг.) характеризуется тенденцией снижения в связи с сокращением ожидаемой продолжительности жизни и ВВП на душу населения; второй (с 1996 г.) — тенденцией роста в результате влияния комплекса факторов: увеличения показателей ВВП на душу населения, охвата обучением, уровня грамотности взрослого населения и ожидаемой продолжительности жизни. Начиная с 2006 г., Казахстан перешел в разряд стран с высоким уровнем человеческого развития. В Послании народу Казахстана от 2010 г. Президент с гордостью отметил, что ООН включила Казахстан в категорию стран с высоким уровнем человеческого потенциала.

Таким образом, ухудшение социально-экономической ситуации в начале переходного периода привело к снижению ИЧР, который после 1995 г. начал повышаться. На основании нижеследующей таблицы можно проследить динамику в человеческом развитии Казахстана по сравнению с некоторыми республиками Центральной Азии.

Показатели человеческого развития в Центральной Азии

Страны	Рейтинг страны по ИЧР													
	1994	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2007	2008	2009
Казахстан	93	93	76	73	75	79	76	78	80	79	73	82	66	68
Узбекистан	100	104	92	106	99	95	101	107	111	113	113	119	102	115
Киргизия	107	109	97	98	92	102	102	110	109	110	116	120	109	126
Туркменистан	85	103	96	100	83	87	87	86	97	105	109	109	87	102
Таджикистан	115	118	108	110	103	112	113	116	122	122	122	127	112	127

Примечание: таблица составлена автором согласно данным докладов о развитии человека ПРООН за 1997—2011 гг.

Позитивные успехи в развитии социальной сферы были следствием того, что были найдены адекватные инструменты и механизмы для преодоления неблагоприятных ситуаций в стране и для построения лучшей жизни. По статистике численность населения Казахстана на 1 января 2011 г. достигла 16,4 миллионов человек. Более 48% населения — это занятое население, причем удельный вес наемных работников составляет 31,7% и доля самозанятых — 16,5% от численности всего населения. В 2010 г. численность занятого населения достигла 8,1 миллиона человек. Из них наемные работники составили 5,4 миллиона человек, или 66,7%, и самостоятельно занятые — 2,7 миллиона человек, или 33,3% [20].

Значительно были повышены доходы казахстанцев. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума сократилась вдвое — до 6,5% в 2010 г. Позитивное развитие экономики сказалось на уровне жизни граждан таким образом: уровень официальной зарегистрированной безработицы стал постепенно снижаться — с 7,3% в 2007 г. до 5,4% во II квартале 2011 г., а молодежной — с 9,4% в 2007 г. до 5,2% в 2010 г. Создано более 1 миллиона 170 тысяч новых рабочих мест [21]. Для укрепления достигнутых успехов и дальнейшего ускоренного развития социально-экономического положения в рамках Послания Главы государства народу Казахстана «Построим будущее вместе!» от 28 января 2011 г. была разработана Программа занятости-2020. Ее основной целью является повышение уровня доходов населения путем содействия устойчивой и продуктивной занятости.

Государство сегодня в состоянии эффективнее, чем прежде, решать такие социальные вопросы, как увеличение размера заработной платы и социальных выплат, медицинское обслуживание и образование, масштабное жилищное строительство. Статистика свидетельствует о росте среднемесячной номинальной заработной платы. К примеру, в 2010 г. среди государств Содружества Независимых Государств по размеру среднемесячной номинальной заработной платы в долларовом эквиваленте Казахстан занимает 2 место после России. В 2010 г., по данным Статистического комитета СНГ, среднемесячная номинальная заработная плата в Российской Федерации составила 682 долл. США, в Казахстане — 527 долл. США, в Азербайджане — 415 долл. США, в Киргизии — 157 долл. США, в Таджикистане — 81 долл. США [22]. Среднемесячная зарплата, начисленная работникам в августе 2011 г., составила 93 тысячи 106 тенге (около 630 долл. США). Об этом на брифинге по итогам развития социально-экономического развития Республики Казахстан за январь — сентябрь

2011 г. сообщил председатель Агентства РК по статистике Алихан Смаилов [23].

Сегодня, по экспертным оценкам, казахстанской экономикой получено более 80% всех прямых инвестиций, поступивших в Центральную Азию. Всемирный банк включил Казахстан в двадцатку наиболее привлекательных в инвестиционном отношении стран мира. Государство, сохраняя свою экономику социально ориентированной, поддерживая разумный баланс интересов в обществе, может обеспечить своим гражданам приемлемый уровень жизни и стабильность для всех членов общества. Учитывая высокие темпы роста экономики, сегодня Казахстан в состоянии эффективнее, чем прежде, решать такие социальные вопросы, как медицинское обслуживание и образование, масштабное жилищное строительство, увеличение размера заработной платы и социальных выплат, то есть достижение более высоких стандартов качества жизни.

Развитие национальной экономики добавляет гражданам Казахстана все больше уверенности и оптимизма. В настоящий момент государство в состоянии более эффективно, чем прежде, решать такие социальные вопросы, как увеличение размера заработной платы и социальных выплат, улучшение медицинского обслуживания, развитие образовательной сферы. Все заметнее становится стремление государства восполнить издержки рынка. Начиная с 2002 г., наблюдается постепенное снижение коэффициента Джинни, что свидетельствует о замедлении процесса концентрации доходов у более богатой части населения страны.

Большая часть населения республики отмечает позитивные изменения в своей жизни. В Казахстане уже появился пласт собственников, предпринимателей, творческой интеллигенции, высокопрофессиональных специалистов, которые понимают необходимость вложений в образование, повышение квалификации, карьерный рост для того, чтобы обеспечить себе достойную жизнь. Их ряды еще недостаточно многочисленны, но они являются основными потребителями услуг финансового, образовательного и медицинского рынка. Нарождающийся средний класс начинает оживлять социально-экономический ландшафт не только Алматы и Астаны, но и многих крупных и средних городов по всей стране. Свидетельством этому является то, что в 2010 г. доля малого и среднего предпринимательства в ВВП страны уже превысила 30% [24]. Все это демонстрирует веру казахстанцев в свои возможности, в успех реализации собственного человеческого капитала.

В то же время, безусловно, нельзя останавливаться на достигнутом, поэтому на повестке дня сейчас стоят актуальные социальные задачи, которые предстоит решить. Необходимо стимулировать создание лучших условий жизнеобеспечения для сельских жителей, всемерно развивать инфраструктуру села. Анализ рыночных реформ в Казахстане показывает, что сложнее и драматичнее всего происходит преобразование форм собственности на селе, адаптация сельского населения к изменению трудовой занятости и необходимости самостоятельного выживания. Без активного государственного содействия, включающего финансовую и институциональную поддержку, невозможно эффективное развитие сельского хозяйства. Как известно, сельский рынок труда характеризуется избыточным предложением труда вследствие его локализованности и ограниченной возможности появления новых рабочих мест. Поэтому сельскому жителю сложнее устроиться на стабильно оплачиваемую работу или поменять место работы на более высокооплачиваемую, этим обусловлены масштабы сельско-городской миграции.

В этом плане необходимо отметить важность разработки целенаправленной социальной политики в отношении сельско-городских мигрантов для их успешной адаптации к новым условиям. Необходима комплексная программа социальной адаптации, которая должна в себя включать: бесплатное профтехобразование, стипендию, общежитие на период обучения, упрощенную процедуру прописки, психологическую поддержку, языковые курсы, помощь в трудоустройстве.

Несмотря на достигнутый прогресс по сокращению бедности, определенная часть населения республики имеет низкие доходы и рискует оказаться в категории бедного населения. Наиболее уязвимой категорией занятого населения являются самозанятые граждане, удельный вес которых в численности занятого населения остается значительным — 33,3% в 2010 г., несмотря на снижение на 9 процентных пунктов за последние десять лет (с 2001 г.) [25]. Низкая продуктивность и доходы от данной формы занятости увеличивают риск бедности для самозанятого населения, оставляя его вне системы пенсионного, социального обеспечения и защиты прав работников.

Необходимо совершенствовать систему социальных стандартов с учетом мирового опыта, внедрить новые подходы к определению минимальных государственных стандартов и критериев социального обслуживания, сопоставимые с принятыми в развитых странах.

Для улучшения качества человеческого развития в республике требуется дальнейшее проведение эффективных мер по поддержке

социальной сферы, здравоохранения и образования на государственном и региональном уровне.

На сегодняшний день можно признать тот факт, что Казахстан успешно завершил переходный период и уверенно входит в качественно новый этап своего развития. Республика обладает основами рыночных институтов, значительными природными ресурсами, необходимыми элементами производственной и коммуникационной инфраструктур, благоприятными условиями хозяйствования для дальнейшего устойчивого социально-экономического развития. Но одним из главных стратегических ресурсов, требующим особого внимания, является человеческий ресурс, позволяющий значительно увеличить потенциальные возможности страны. Основополагающей идеей должна являться мысль о том, что устойчивое человеческое развитие в странах переходного периода возможно лишь при создании достойных условий жизни для населения, формирования устойчивой социо-эколого-экономической системы, приспособленной к сегодняшним реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криво Н. Оценка бедности в Республике Казахстан // Экономика и статистика. — 2000. — №2. — С. 9—16 (С. 10).
2. Стенограмма встречи руководителей республик Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ате 22—23 июня 1990 г. // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 69. Л. 2.
3. Там же. Л. 5.
4. Абусейтова М.Х., Абылхожин Ж.Б., Кляшторный С.Г., Масанов Н.Э., Султанов Т.И., Хазанов А.М. История Казахстана и Центральной Азии. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — 616 с. (С. 574—575).
5. Назарбаев Н.А. Стратегия независимости. — Алматы: Атамұра, 2003. — 312 с. (С. 250).
6. Назарбаев Н.А. Казахстанский путь. — Караганда, 2006. — 372 с. (С. 22—23).
7. Об актуальных проблемах социальной защиты на 1992 г. // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 907. Л. 197.
8. Экономика КазССР в первом полугодии 1991 г. (Сообщение Госкомстата КазССР) // Архив Президента РК. Ф. 7. Оп. 2. Д. 26. Лл. 8—9.
9. Там же. Л. 7.
10. Кабинет Министров Казахской ССР. Тов. Джолдасбекову М.Д. // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 1249. Л. 191.
11. Письма и телеграммы представителей трудовых коллективов, профсоюзных организаций КазССР с протестами против повышения цен и снижения уровня жизни // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 919. Л. 29.
12. Там же. Л. 47.
13. Об экономическом и социальном развитии республик Средней Азии и Казахстана в первом полугодии 1991 г. // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 395. Лл. 18—19.
14. Об актуальных проблемах социальной защиты на 1992 г. // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 907. Л. 193.

15. О возмещении колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям и организациям компенсационных выплат в связи с повышением розничных цен // Архив Президента РК. Ф. 7; Оп. 1. Д. 907. Л. 191.
16. Назарбаев Н.А. Казахстан-2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния для всех казахстанцев. Послание народу Казахстана // Казахстанская правда. — 1997, 11 октября.
17. Абдыкаликова Г.Н. Системная и масштабная работа продолжается // Казахстанская правда. — 2011, 19 мая.
18. Назарбаев Н.А. К свободному, эффективному и безопасному обществу. Послание народу Казахстана // Казахстанская правда. — 2000, 25 октября.
19. Назарбаев Н.А. Повышение благосостояния граждан Казахстана — главная цель государственной политики // Казахстанская правда. — 2008, 7 февраля.
20. Выступление Министра труда и социальной защиты населения РК на Пресс-конференции в Мажилисе Парламента РК // <http://ru.government.kz>.
21. Выступление Премьер-министра РК К. Масимова на заседании парламентской фракции партии «Нур Отан» // <http://ru.government.kz>.
22. Оплата труда в Республике Казахстан. Статистический сборник. — Астана, 2011. — 306 с. (С. 206).
23. В Казахстане средняя зарплата в августе составила 93,1 тысяч тенге // <http://www.bnews.kz>.
24. Мониторинг доходов и уровня жизни населения в Республике Казахстан (Аналитическая записка).

Исторические предпосылки этноконфессионального многообразия и религиозной толерантности народов Евразии

ЖУМАГУЛОВ К.Т.,
НУРТАЗИНА Н.Д.

С древности история Евразийского континента характеризовалась сосуществованием и взаимовлиянием различных этнокультур и религий. Безусловно, на протяжении многовекового историко-культурного развития обширного региона были и весьма непростые периоды конфронтации цивилизаций, тенденции к поглощению более многочисленными этноконфессиональными сообществами малых этносов и их культур. И, тем не менее, несмотря на моменты диалектического противоречия и соперничества, главной тенденцией культурно-цивилизационной истории Евразии было постепенное формирование ее поликонфессиональной, полиэтнической карты, богатой традиции мирного сосуществования и взаимовлияния народов континента.

Казахстан по своему географическому и геополитическому положению находится на стыке Европы и Азии, Востока и Запада. Данную суть характеризует понятие «евразийство», которое в широком культурно-цивилизационном значении подразумевает явления взаимовлияния, синтеза и симбиоза тюркского и славянского, западного и восточного культурных комплексов.

В преддверии IV Съезда лидеров мировых и традиционных религий в Астане необходимо вспомнить глубокие исторические предпосылки этнического и религиозного многообразия и складывания традиции толерантности современных народов Евразии, и Казахстана в частнос-

ти. Нынешний поликонфессиональный облик Республики Казахстан, как и соседней Российской Федерации, имеет свои исторические и социально-политические причины и обстоятельства.

Будет правильным в теоретико-методологическом отношении подчеркнуть, что во все времена в содержании всемирной истории религиозный феномен играл важнейшую роль, особенно это было характерно для средневековой истории. В самом ее начале мы можем констатировать многогранное взаимодействие Востока и Запада, синтез, интеграцию традиций и культур вследствие Великого переселения народов. Во главе этого эпохального процесса, начавшегося со второй половины IV в., стояли гунны. В IV—V вв. в Европе Гуннская империя объективно оказала свое воздействие на судьбы евразийской и европейской истории при переходе к новой цивилизации. Здесь можно увидеть и примеры терпимости, толерантности к религиозным представлениям покоренных народов. И то, что властитель огромной державы, данниками которой были обе Римские империи, остановился в 452 г. перед капитулирующим городом Римом, внимая просьбам посольства во главе с папой Львом I, говорит о мудрости Аттилы. Тем самым он проявил уважение к христианской религии. Не случайно и сейчас в главном католическом храме — соборе Святого Петра в Риме можно увидеть изображения великого правителя Гуннской империи [1].

В средние века повсюду — в Западной Европе, на Руси, Ближнем Востоке, Центральной, Южной и Восточной Азии и других регионах мировые и национально-традиционные религии выступали в качестве системообразующего фактора и истока местных цивилизаций. Религиозные иерархи, церкви, монашеские и суфийские организации составляли одни из влиятельных сегментов общественной и государственной жизни. При этом в ходе распространения среди различных народов и культур религии приобретали национальный оттенок и локальные формы, обнаруживая тесную связь с этнокультурным многообразием человечества.

Крупнейшим суперэтносом истории раннесредневековой Евразии были тюрки — выходцы из глубин Центральной Азии, создавшие великую империю — Великий Тюркский каганат. Тюркский фактор в VI—XI вв. в евразийских степях играет ключевую роль. История тюркской империи характеризуется интеграцией в составе обширного государственного образования различных этнокультурных массивов, стимулированием международного общения на Великом Шелковом пути, предполагавшим межрелигиозный диалог, миссионерство,

трансляцию культур Запада на Восток и наоборот. Тюрки имели богатый опыт общения и взаимодействия с культурами и религиями Центральной Азии и новых мировых религий.

Прежде следует сказать, что создатели империи — тюрки-тюцзюе уже в ранней своей истории пришли в соприкосновение и этнические контакты с согдийцами, тохарами (носителями индоевропейских языков и древнеиранской культуры). Одновременно тюрки были активно вовлечены в систему международных дипломатических отношений той эпохи. В этом отношении не могли пройти бесследно взаимосвязи тюрков с Танским Китаем, Сасанидским Ираном, Византийской империей. Христианская Византия стала стратегическим партнером тюрков в их непростых политических отношениях в Центральной Азии, когда создателям новой империи приходилось бороться за эфталитское наследство, соперничать с иранским государством. Разумеется, взаимосвязи в области культуры и дипломатии создавали предпосылки для знакомства с религиозными верованиями и обычаями близких и дальних соседей. По Великому Шелковому пути с запада на восток распространялись различные ветви христианства, проникали буддизм, зороастризм, манихейство.

На заре тюркской истории мы видим немалое разнообразие в культурах и верованиях кочевников Евразии. В скифо-сакскую эпоху племена, населявшие степи Евразии, в том числе и современного Казахстана, практиковали архаичные культы, связанные с почитанием Солнца, Огня; уже тогда в среду саков и сарматов проникали религиозные представления индоиранских народов, почитание Митры и др., а также идеи зороастризма. Прототюрки-гунны также поклонялись небесным светилам, духам природных стихий, умерших предков-героев. Вместе с тем центральноазиатское («алтайское») происхождение гуннов и тюрков-тюцзюе ярко проявлялось в культе Вечно Синего Неба — Кок Тенгри.

До X в. в раннесредневековую эпоху у различных тюркоговорящих племен Евразии в созданных ими империях и государствах-каганатах доминировали древние автохтонные религиозные верования: шаманизм, тенгрианство, элементы анимизма (вера в одушевление природы и загробную жизнь умерших людей), тотемизма (зоолатрии), что предполагало культ волка, коня, сокола, кречета, ворона и др., а также почитание огня, звезд, духов предков. Универсальным явлением всех древних религиозных систем был шаманизм — вера и практика, связанная с посреднической функцией лица, обладающего сверхъестественными способностями — возможностью общаться с высшими

сферами. Тюрки обозначали шамана словом «кам». Культ Неба — Тенгри не без влияния китайской цивилизации имел тенденцию превращения в главный культ в религиозно-мифологической системе гуннов и тюрков. Данный культ продолжает бытовать и укрепляться в эпоху средневековых монголов, покоривших огромную часть Евразии, создавших вторую после Великой Тюркской империи кочевую империю.

Весьма популярными в тюркскую эпоху были образы богини Умай, Йер-Су (Земля-Вода) [2]. Этносы Евразии — тюрки, иранцы, монголы, китайцы, славяне, угро-финны и др. — почитали природу, все ее необычные объекты и поэтому многочисленные горы, ущелья, реки, озера, леса континента неизменно выступали в качестве священных объектов и мест ритуальных паломничеств и поклонений. Это — Алтай, Хангай, Иртыш, Урал, Волга, многочисленные реки казахстанского Семиречья и др. В связи с верой в вечную жизнь павших героев в степях Евразии тюрки, в особенности тюрки-кыпчаки, распространили обычай сооружения статуй — каменных изваяний, которые являются одним из ярких атрибутов своеобразной степной культуры Евразии.

Восточные славяне в древности и средневековье также почитали в рамках традиционного языческого многобожия Неба-отца, бога грозы Перуна, бога ветра Стрибога, «подателя богатств» Дажьбога. Стоит отметить, что заметным фактом истории славян были их контакты с ираноязычными скифами и сарматами. Так, например, у восточных славян была вера в богов Хорс и Симаргл, что, по мнению специалистов, говорит о заимствовании из религии иранцев, хотя данный вопрос изучен еще не до конца [3]. Древнерусский Симаргл имеет своим прототипом иранского Симурга — мифологического огромного орла, соотнесенного с верхним миром. Кстати, древнеиранская вера в священную птицу Симург была заимствована и древними тюрками (отсюда образ птицы Самрук в казахском фольклоре). Общим для славян, тюрков, финно-угров и других племен Евразии была вера в священную Мать-землю, почитание огня домашнего очага.

Первыми предвестниками трансформации религиозного сознания народов мира от язычества к этически ориентированному религиозному сознанию стали такие религии, как зороастризм, манихейство, буддизм. Характерная черта средневековой Евразии заключается в уникальной роли внутриконтинентального международного сухопутного торгового пути — Великого Шелкового пути — не только в сближении и общении экономик, политико-дипломатических отношений, но и религий и культур.

Этнокультурное и религиозное многообразие Евразии складывалось в пересечение путей взаимодействия многих древних религий. Так, например, в Центральной Азии вплоть до прихода ислама были сильны позиции зороастризма как среди ираноязычных, так и тюркоязычных его жителей. Вопрос о родине Заратуштры, жившем не позднее VII в. до н.э., остается в науке открытым. Вместе с тем однозначно, что основатель новой религии происходил из среды пастушеских арийских (скифских) племен, населявших Центральную Азию. Зороастризм получил в древности и раннем средневековье широкое распространение в странах Ближнего и Среднего Востока. Господствующей религией он стал в ряде западноиранских государств, империях с V в. до н.э. — до VII в. н.э.

Как известно, главной идеей религии является идея мирового противоборства бога Добра Ахура-Мазды и Ангра-Манью (прообраза Сатаны авраамитских религий). Влияние этой богатой этическим содержанием религии на народы Евразии было достаточно глубоким и всесторонним. Священная книга зороастризма «Авеста» была почитаемой во многих регионах. Хотя к VII в. эта религия уже не имела большого морально-этического потенциала (что отмечал акад. В.В. Бартольд), но обряды, поверья, календарь зороастрийского Ирана оказывали по-прежнему большое влияние на соседние народы. Достаточно указать на пережитки зороастризма в национальном празднике народов Центральной Азии — Наврузе (Наурыз). Элементы зороастризма наблюдались в доисламском мировоззрении такого евразийского этноса, как башкиры [4].

Религиозную историю Евразии обогатил опыт такой религии, как манихейство. Родиной этого вероучения был Иран, где в III в. его основатель Мани начал свою религиозно-реформаторскую деятельность. В этой религии соединились элементы зороастризма, буддизма, митраизма, христианства и гностических учений. Мани считал своими предшественниками Будду, Заратуштру и Иисуса Христа. Манихейство претендовало на всеобъемлющий, универсальный характер и распространилось на обширной территории — от Северной Африки до Индии и Китая. Вплоть до арабского завоевания манихеи играли подчас серьезную роль в религиозной и культурной истории Туркестана. Согдийцы были главными носителями манихейской просвещенности. На территории Казахстана очагами распространения манихейства были Жетысу и Талас. Из Средней Азии эта религия проникла в Восточный Туркестан, Китай, Монголию. Кульминацией влияния манихейства стало провозглашение его тюрками-уйгурами

в качестве государственной религии в созданном ими Уйгурском каганате.

Примечательно, что этносы Евразии и, в частности, тюрки до мировых религий успели познакомиться даже с такой своеобразной монотеистической религией, как иудаизм. Более того, иудаизм был официальной религией единственного в своем роде тюрко-иудаистского государства — Хазарского каганата. К этой религии были приобщены и группы кыпчаков.

Однако человечество вступало в новую эру своей религиозной истории, когда те или иные варианты великих монотеизмов, зародившихся в духовных центрах средиземноморско-ближневосточной макроцивилизации, имели объективную тенденцию поглощать и перерабатывать в своем лоне местные языческие религии и культы и другие национально-традиционные системы. Мировые религии, эпицентры которых формировались далеко от Евразии, уже в раннем средневековье распространили свои духовные идеи в Иране, Средней Азии, частично Казахстане, на территории русских княжеств. Мировые религии знаменовали собой поворотный пункт в истории Евразии.

Стоит подчеркнуть, что в распространении мировых монотеизмов были свои объективные исторические и духовные причины. Древние языческие религии имели ограниченный цивилизационный потенциал, будучи природными культами. Племенной и этнический характер этих верований мешал образованию развитых классовых обществ, государственных образований, интеграции полиэтнического населения. «Мировые религии в Казахстане сыграли цивилизаторскую миссию, создавая понятия о высших нормах культуры, морали и поведения, выполняя функции социальной интеграции правопорядка. Верования буддизма, христианства, ислама исключают расовую, национальную дискриминацию. У мировых религий, в сущности, нет единого языка, хотя традиция и требует знания языка основной священной книги. Христиане говорят на сотнях языках, многоязычны и мусульмане» [5].

Некоторые религии до ислама и христианства явно исчерпали свой цивилизационный потенциал и проявляли даже черты реакционного фактора. Так, например, в связи с огосударствлением зороастризма в Сасанидском Иране это верование окончательно превратилось в опору деспотического режима, а влиятельное жречество подавляло всякую религиозную свободу. Были свои преимущества и у буддизма по сравнению с архаичными природными культами древних народов. Не стоит также идеализировать взаимоотношения религиозных сообществ предмусульманского и предхристианского времени, так как

случались и факты вражды, отчужденности. Например, посетивший доисламскую Среднюю Азию Сюань Цзань был свидетелем открытого конфликта между буддистами и зороастрийцами в Согде. Поэтому перспективным была интеграция населения Евразии в рамках нескольких крупных конфессиональных сообществ, нежели зыбкое сосуществование множества мелких общин.

Трансконтинентальный торговый путь, названный в литературе Великим Шелковым путем, облегчал распространение в Центральной Азии инокультурных ценностей и разнообразных религий. Буддизм оставил яркий след в наследии тюрков и иранцев. Это самая древняя мировая религия, возникшая в I тысячелетии до н.э., относится к разряду типично восточных религий, порожденных ментальностью индийца. С рубежа нашей эры начинается широкое движение буддизма на север, северо-запад, а затем и на северо-восток (в форме махаяны). Этому способствовало объединение на несколько веков в единой Кушанской державе Северной Индии, Средней и Центральной Азии. В раннем средневековье буддизм был популярен в Согде, Маргиане, Фергане, Семиречье. Через Среднюю Азию буддизм пришел в Китай, где обрел вторую жизнь. Танский Китай становится одним из главных духовных центров средневекового буддизма.

Буддийский китайский монах Сюань Цзань в VII в. предпринял путешествие в Индию. Проезжая через казахстанское Семиречье, он встретился с великим тюркским каганом Тонджабгу-каганом, о чем он написал позже в своих записках [6]. Как видно из данного источника, правитель западных тюрков весьма благосклонно отнесся к проповеднику буддизма. Также известно, что государственный советник Второго Восточнотюркского каганата Тоньюкук получил образование в Китае и хорошо знал основы буддизма и конфуцианства (хотя он же увидел опасность культурного растворения тюрков в китайско-конфуцианской цивилизации). В VII—IX вв. Восточный Туркестан становится цитаделью буддизма. На территории Центральной Азии и Казахстана известны многие буддийские памятники, скульптуры из долины Чу, Иссык-Куля, в том числе более позднего происхождения изображения Будды в урочище Тамгалы, на берегу Или, принадлежащие ойратам. Средневековая тюркская литература включает и переведенные буддийские сутры.

Примечательно, что именно X в. становится рубежом в духовно-цивилизационной истории Евразии, когда произошли знаковые события, символизировавшие массовый переход крупных этносов континента — славян и тюрков — в лоно двух великих мировых религий — хри-

стианства и ислама. Трудно переоценить цивилизационное значение крещения Руси при князе Владимире Святославиче (988 г.), точно так же принятие ислама Волжской Булгарией (922 г.), Караханидским каганатом в Центральной Азии (960 г.) стали судьбоносными этапами истории тюрков Евразии.

Вместе с тем если обратиться к истории Центральной Азии, то тюрки и иранцы еще до ислама были частично приобщены к христианству — в форме еретических учений, проникших на восток силами монахов, купцов, дипломатов. Абурейхан Бируни сообщал, что уже спустя 200 лет после смерти Христа некий священник по имени Баррахия успешно проповедовал христианство в г. Мерве. Еще племена гуннов, двинувшиеся в результате Великого переселения народов на запад, наряду с древними культами, постепенно приобщались к христианству. Так, при дворе Агтилы во время его походов находился христианский священник. Наибольший расцвет христианства в Центральной Азии приходится на времена персидского владычества. В Персию христианские сообщества бежали от гонений со стороны официальной византийской церкви.

Широкое распространение в регионе получило несторианство, получившее название в честь константинопольского патриарха Нестория (родом из Сирии), а также яковитство (монофизиты) и мелькитство (византийское православное христианство). Уже в начале V в. Самарканд становится центром несторианской церкви. Во второй половине VI в. значительно активизировалась миссионерская активность христиан (согдийцев) среди тюрков. Население Западно-тюркского каганата в Семиречье было поликонфессиональным, и позиции христиан были весомы. Наиболее выразительным примером духовного влияния христианства на тюрков является письменный памятник Codex Cumanicus, свидетельствующий о широких международных торговых, культурных и языковых связях кыпчаков Евразии, фактах пропаганды среди них христианского вероучения.

Связи тюрков с христианством доказывают факты принятия данной религии (в форме несторианской ветви). Активизируется пропаганда христианства при каракитах и, особенно, монголах. Однако монгольские завоеватели уже застали тюрков Центральной Азии, в основной массе интегрированных в исламскую цивилизацию, так как в X — начале XIII в., прежде всего, Южный Казахстан, Семиречье, Мавераннахр, а также Поволжье были настоящими регионами исламизированной тюркской культуры, а из среды тюрков-мусульман Евразии успели выйти замечательные ученые-теологи, проповедники

суфизма, знатоки Корана, арабского, персидского языков. Такими светилами являются Абу Наср аль Фараби, Махмуд аль Кашгари, Йусуф аль Баласагуни, Ахмад аль Йассави и др. Среди тюрков процветали наука и система образования исламского Востока. Урбанистическая культура была переориентирована по мусульманскому образцу. Важно отметить, что в раннем исламе была высокая культура межкультурного и межрелигиозного общения, традиция толерантности и взаимоуважения народов.

Степные просторы Евразии к моменту монгольского нашествия были также частично втянуты в орбиту ислама, хотя конфессиональная ситуация здесь не была стабильной ввиду параллельного сосуществования остатков тенгрианского культа, приверженцев христианства, манихеев и т.д. Стоит сказать, что монголы Чингисхана, которым удалось в начале XIII в. интегрировать огромное пространство Евразии под знаменем единой полиэтнической и поликонфессиональной империи, несмотря на отдельные факты религиозной нетерпимости на начальном этапе, впоследствии отличались широкой веротерпимостью. При монгольских правителях все религии были уравнены и ни одна из них не имела в империи привилегированного статуса. Это обстоятельство стимулировало здоровую конкуренцию конфессиональных сообществ, религиозные диспуты, одновременно — объективные условия для традиции толерантности и взаимоуважения.

В монгольской империи буддисты и несторианцы пользовались большим уважением. Гильом де Рубрук сообщает, что в столице империи Каракоруме была выстроена большая церковь. Однако, как доказывал это в своих замечательных трудах В.В. Бартольд, наиболее конкурентоспособной в данную историческую эпоху была исламская цивилизация, так как в ней тогда удачно соединились высокая духовность суфийского учения и научно-интеллектуальные и технологические достижения. Именно объективным фактом относительного первенства ислама как цивилизации следует объяснить начавшийся во второй половине XIII в. поворот правителей Золотой Орды к исламу. Бесценны заслуги в этом деле суфийских шейхов, которые силой духовного воздействия, эффективностью религиозных проповедей способствовали мирному обращению в ислам пришельцев-монголов и остававшейся в лоне тенгрианства части кыпчаков.

Трудно переоценить значение исламизации Золотой Орды в истории полиэтнической Евразии. «Мощная цивилизация и культура Великой степи тюркских этносов восприняла ислам суннитского направления ханифитского толка (мазхаба) <...> Он отличался гиб-

костью, либерализмом, широким использованием местного обычного права (адат, гурф). Главная фигура в нем — факих, то есть знаток, независимый от официальных властей», — пишет Е. Кривец [7]. Золотая Орда, провозгласив ислам государственной религией при великом хане Узбеке (1312—1342 гг.), вместе с тем сохранила верность политике религиозной терпимости. В поликонфессиональной империи сосуществовали мечети и христианские церкви и монастыри, отправлялись обряды всех конфессий, оживленными были связи как с христианской Византией, так и мусульманским Египтом.

Ислам в Евразии всегда имел свои традиционные особенности, связанные с ханафитским мазхабом, большой ролью суфизма, синкретизмом доисламских и исламских религиозных представлений и обычаев. В отличие от арабских стран, Пакистана, Ирана, других регионов исламского мира, в тюркской Центральной Азии и Волго-Уральском регионе сознание его мусульманских этносов всегда отличали большая открытость, демократизм, гибкость, чему способствовали как древние исторические прецеденты, так и объективные географические и геополитические условия близкого соседства с иноконфессиональными сообществами в лице китайско-конфуцианской цивилизации и православно-христианского мира. Определенные районы Евразии — полиэтничный Волго-Уральский регион, западные, северные и северо-восточные области Казахстана формируют так называемый «христиано-исламское пограничье». В ней этноконфессиональная пестрота, взаимопроникновение традиций и культур, ментальностей достигает большой степени. Таким образом, для этноконфессиональной карты Евразии характерно складывание исламо-христианского равновесия и диалогизма тюркской и славянской культур.

С середины XVI в., после завоевания Казани и Астрахани, присоединения башкир и начала освоения Сибири, Россия становится многонациональным и поликонфессиональным образованием, точнее, империей. Империи — сложносоставные полиэтнические государственные образования, созданные военно-политическими методами. И православные, и мусульмане, а также многочисленные языческие племена оказались в составе одного государственного образования, вошли в орбиту общероссийского законодательства.

В многовековой истории Евразии были и драматические страницы борьбы, коллизий, гражданского и межэтнического противостояния. Несмотря на то, что Россия в своем цивилизационном развитии эволюционировала от национально-христианского государства — Киевской Руси до поликонфессиональной и полиэтнической, христианско-ис-

ламской, евро-азиатской Российской империи, не всегда ее правителями осознавалось это своеобразие и необходимость бережного отношения к данной ее черте. Порой отношения между православной Россией и мусульманским меньшинством империи оказывались весьма сложными и даже остроконфликтными. Татары, башкиры, ногайцы, казахи оказывали стойкое сопротивление попыткам насильственной христианизации со времен Ивана Грозного вплоть до XVIII в.

Положение инородцев в составе русского православного государства регулировалось на бытовом уровне инерцией культурных связей и межконфессиональных отношений, уже сложившихся в предшествующий период, а на официальном — различными государственными законодательными актами. Если говорить об этапах, то наиболее сложным был период второй половины XVI — первой половины XVIII в., когда проводилась насильственная христианизация инородцев, подавлялись башкирские восстания, изымались казачьими войсками пастбищные угодья казахов. Вместе с тем было очевидно, что считаться с исламским фактором необходимо. Войны с Османской Турцией в XVIII в., наличие бунтующего мусульманского социума внутри страны делали небезопасным противостояние государства и ислама. В этих условиях при Екатерине II выходит Синодский указ «О терпимости всех вероисповеданий». Официальное признание ислама как дозволяемой, но строго контролируемой религии последовало в 1788 г. В Уфе было учреждено Оренбургское духовное магометанского закона собрание. Поликонфессиональный состав населения огромной империи окончательно оформился в XVIII — начале XX в. В этот период и сформировались основные принципы совместного проживания представителей различных религий на одной территории: взаимотерпимость, согласие, уважение религиозных обычаев друг друга [8]. И в этом великом деле стоит отметить вклад российских востоковедов, прогрессивной части русского народа, которые часто вопреки официальной линии государства с уважением изучали язык, традиции и религии подвластных народов, пропагандировали идеи братства и дружбы. Со стороны мусульманских этносов империи встречное движение в духе диалога Востока и Запада возглавили известные поэты, просветители, ученые, которые представляли реформаторское крыло традиционной элиты. Это такие известные мыслители, как Курсави, Марджани, Абай (Ибрагим) Кунанбаев, Ч. Валиханов и др.

Весь XIX в. и до июля 1917 г. русское православие сохраняет в Российской империи официальный статус главенствующей религии.

Активно проводится миссионерская работа, права религиозных меньшинств были ограничены. Определенная либерализация связана с пореформенной эпохой, когда этноконфессиональным меньшинствам был дан ряд демократических прав. Элементы религиозной свободы появились в России с началом первой русской революции. Указы о веротерпимости 1905 г. вернули в ислам, старообрядчество и протестантизм тысячи насильственно крещенных. В Государственную думу были внесены проекты законов о вероисповедании. В их разработке активно участвовала мусульманская фракция депутатов. Летом 1917 г. Временным правительством был принят закон «О свободе совести», гарантирующий свободу совести и равенство вероисповеданий. Российское государство оставалось православно-ориентированным, но все же по сравнению с предыдущими историческими периодами данный закон был, безусловно, большим прогрессом.

Отдельный вопрос — государственно-конфессиональные отношения при Советской власти, при которой православие потеряло свой привилегированный статус. Одновременно всякая религия была объявлена «опиумом народа». Политика госатеизма, искоренение традиций христиан, мусульман, иудаистов, буддистов нанесли непоправимый ущерб религиозному сознанию, национальной и духовной памяти этносов. Грубое вмешательство в духовно-религиозные процессы, вульгарно трактуемая секуляризация привели к тому, что, с одной стороны, произошел отрыв нескольких поколений от традиционных ценностей предков, нравственных ориентиров мировых религий, но, с другой стороны, полного уничтожения роли религии коммунисты не добились: церкви, мечети, синагоги все же продолжали существовать и бороться за свое право, также есть все основания говорить о подпольной религиозности части населения, даже официально придерживавшейся коммунистической идеологии.

С 90-х гг. XX в. на постсоветском пространстве шел бурный процесс религиозного возрождения. Он был объективно закономерен и исторически прогрессивен ввиду очевидной связи религий с моральными ценностями и национальной культурой народов Евразии. И все же стихийный и неконтролируемый религиозный ренессанс породил и известные противоречия. В основном это касается опасности духовной экспансии нетрадиционных религиозных течений, экстремистских сект и неоязычества.

В последние годы государственно-конфессиональные отношения в Республике Казахстан, Российской Федерации и других республиках имеют позитивную тенденцию к активному регулированию и

предупреждению указанных негативных тенденций с точки зрения международной и национальной безопасности. В преамбуле нового Закона Республики Казахстан «О религиозной деятельности и религиозных объединениях» от 11 октября 2011 г. подчеркивается историческая роль традиционного ханафитского ислама и православия на территории республики. В этой связи необходимо отметить, что доминирование и повышение роли традиционных конфессий не означает ограничения свободы совести, деятельности иных религиозных общин, но лишь приведение конфессионального пространства государства в оптимальную систему с соответствующими ей акцентами и приоритетами. Нынешнее законодательство Республики Казахстан, Российской Федерации и ее субъектов, относящееся к сфере государственно-конфессиональных отношений, есть важнейший фактор поддержки этноконфессионального равновесия при уважении прав и свобод всех граждан государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жумагулов К.Т. Гунны в истории Евразии IV—V вв. Материалы международной научно-теоретической конференции «Древнетюркская цивилизация: памятники письменности», посвящ. десятилетию независимости Республики Казахстан. — Алматы, 2001. — С. 207—215.
2. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник 1977. — М., 1981. — С. 117—138.
3. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. — М., 1998.
4. Мажитов Н.А. Южный Урал в VII—XIV вв. — М., 1977.
5. Ислам и христианство: возможности духовной консолидации народов Казахстана. — Алматы, 2001. — С. 21.
6. Тугушева Л.Ю. Уйгурская версия биографии Сюань-цзяня. — М., 1991.
7. Кривец Е. Ислам в Центральной Азии. — М., 1999. — С. 33.
8. Юнусова А.Б. Системообразующие факторы межконфессионального согласия и толерантности в поликонфессиональном Башкортостане // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Материалы международной конференции. — Уфа, 2002. — С. 53—62 (С. 56).

Неэкономические факторы экономики

БАШМАКОВ А.А.

Неолиберальное течение в экономической науке, провозглашающее абсолютное превосходство свободного рынка и частного предпринимательства над государством и социальной политикой, быстро воплощалось в неолиберальную политику, ограничивающую роль государства в экономике. Одно подкрепляло другое. Особенно в англосаксонских странах. В свое время Маргарет Тетчер и Рональду Рейгану удалось превратить то, что раньше было только одной из, в общем-то, сильных идеологий и интеллектуальных течений, в главное политическое течение.

К сожалению, в кризисных условиях, в которых пребывает мировая экономика, делегирование и упование на невидимую руку рынка все естественнее демонстрирует свою ущербность. На Западе на это уже давно указывали авторитетные экономисты, начиная с Джона Кейнса, выдвигавшие альтернативные идеи функционирования рыночной экономики. Однако сегодняшнее состояние и ситуация в экономике ведущих стран Запада заставляют переосмысливать сложившуюся парадигму. Из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса.

Показательны в этом отношении, например, публикации влиятельного английского журнала «Экономист» — апологета либеральных идей.

В течение последних двух десятилетий, отмечает журнал, усиливался подъем англосаксонской модели свободного рынка. Рынок торжествовал над государствами. Теперь баланс между нами сдвигается в сторону государственного регулирования, причем не только в сфере финансов. «Уолл-стрит оказался в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали» [1].

Если Запад втягивается сегодня в поиск новой модели или парадигмы экологического устройства, то для нашего молодого транзитного рынка это не менее актуально.

В каких главных направлениях следует ожидать переосмысления нашей экономической идеологии и политики?

Их несколько. Но, обобщая и суммируя, можно выделить два наиболее важных направления:

Первое. Это укрепление роли государства в национальной экономике. Только в его власти противодействовать усилению социально-го расслоения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам — образованию, здравоохранению и культуре.

Рыночная экономика, защита частной собственности, развитие малого бизнеса останутся основой нашей экономики. Но в посткризисный период роль государства будет усиливаться во всех областях — от промышленности до социальной сферы [2].

Социализм с его плановой экономикой, как и капитализм с его рыночной, неолиберальной, пришли в тупик. Но это не означает, что мировая история утратила возможность развиваться. Она сейчас переживает этап своего глубочайшего кризиса.

Двигателем прогресса и развития становятся уже не только системы социальных институтов и экономики, но и, что самое важное, духовный потенциал многонациональной мировой культуры. Вот об этом следует поразмышлять предметнее. Это второе направление.

В век стремительных перемен и новых глобальных мировых реалий роль человека, его деятельного потенциала и духовного состояния, а также отношений, в которые вступают люди, становится, как никогда, значимой в решении не только экономических проблем, но и в укреплении государственности. Понять связи духовного, социального и политического в их воздействии на экономику пытались еще в 50—60 гг. прошлого столетия, когда самой популярной концепцией социального развития была теория модернизации. Тогда казалось, что достаточно отсталой стране встать на путь рыночной экономики и построения правового государства и она непременно резко начнет развиваться и достигать уровня передовых экономик. К сожалению, все это оказалось в значительной мере иллюзией. Эти иллюзии подтвердились и в наше время. Возьмите нашего соседа — Киргизию, проанализируйте события в Грузии, на Украине, да и продолжающиеся проблемы в Российской Федерации, проявляющиеся в этнокультурной сфере, в развитии экономики и духовной жизни. Каковы причины этих явлений? Ученые, политики связыва-

ют происходящее с тем очевидным фактом, что свобода приводит к высвобождению не только лучшего, но и худшего в человеке и, естественно, должна предполагать ограничения на высвобождение худшего. «Что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? — задавался вопросом в свое время великий философ И.А. Ильин и сам же отвечал — он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы». Что и происходит в тех обществах, где человек еще не готов к новым качествам цивилизационного понимания, где не готова духовно-нравственная основа институциональной среды. Ответом на этот вопрос могут быть события, которые мы наблюдали в Киргизии, Украине, Грузии, Северной Африке и т.д.

Сегодня многие начинают задумываться над тем, как скажется глобальный экономический кризис на культурном и духовном наследии земной цивилизации. Станет ли человечество мудрей, сделав выводы из охвативших мир экономических потрясений? И готовы ли мы учиться на опыте нынешнего самого глубокого за послевоенные годы кризиса?

В преодолении кризиса и недопущении его повторения многое будут определять господствующие в странах мира идеологические доктрины, государственная политика, состояние общественного сознания, добросовестность и нравственная порядочность элиты, дееспособность институциональной среды.

Мировой финансово-экономический кризис начался не сегодня. Ситуация, которую мы наблюдаем, подтвердила кризисные тенденции, о наличии которых неоднократно высказывались эксперты, экономисты и политики. Это, прежде всего, кризис ценностей, кризис мировоззрения. Нас долгие годы убеждали, что главное в экономике — это капитал, средства производства и технологии. А кто все это создает? Конечно — человек! Так, значит, главное в экономике — это человек. От его ума, души, его нравственного состояния, его поведенческой позиции зависит и настоящее, и будущее мирового хозяйства. Безнравственная экономика не эффективна и, более того, опасна и нежизнеспособна. Экономическое развитие не может исправить нравы — напротив, нравственная порча может подорвать любую экономику. Японцы с достоинством справляются с последствиями цунами. Здесь не было ни одного случая мародерства, насилия или социального взрыва. Это показатель цивилизационного уровня нации. А вспомните, что было год назад, в январе 2010 г. на Гаити. Вся страна находилась в состоянии тотального мародерства,

и дело дошло до каннибализма, когда были вынуждены вмешаться международные вооруженные силы. *Опаснее цунами бездуховное!* Творец создал человека, даровав ему свой образ, а неотъемлемой частью этого образа является нравственное чувство. У человека уже с рождения есть нравственный центр. Его надо развивать. А там, где существуют нравственный релятивизм и секулярный примитивизм, нет нравственности. Нравственная основа человека является критерием истины. Нравственность — это способность отличать добро от зла методом внутренней сигнальной системы. У нас есть такая система — это голос нашей совести. К сожалению, голос можно заглушить, можно пропить. Фильтр, необходимый для критического восприятия обрушивающегося на нас потока информации — это наш нравственный голос. А его сила зависит от нашего мировоззрения и набора собственных идей. Духовная жизнь каждого человека определяется не только общим социальным и духовным климатом в стране. Важна его собственная система ценностей. В современном мире, на мой взгляд, сбывается гениальное предвидение Питирима Сорокина, который считал, что чувственный социокультурный строй, доминирующий в течение пяти столетий на Западе, распадается, порождая глубокий кризис западного общества (однополые браки, усыновление детей однополыми семьями, публикации карикатур на пророка Мухаммеда, принятый закон в Швейцарии о запрете строительства мечетей и т.д.). На смену ему идет интегральный строй, синтезирующий ценности истины (нации), добра (религии, этики) и красоты (искусства). А центр творческой активности человечества все более будет перемещаться с Запада на Восток. Для нашего евразийского мира и, в частности, в структуре казахстанской ментальности сложилась *своя иерархия ценностей: приоритет духовного над материальным и общественного над личным, сострадание и сопричастность*. Именно эту иерархию ценностей пытаются подменить у нас, в России, а также и в других бывших республиках СССР приоритетами атлантической системы ценностей, в качестве которых выступают деньги, материальный успех и индивидуальные свободы.

Какие факторы и в какой степени влияют на жизнеспособность государства, то есть его безопасность? Были проведены исследования (Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования) в 2008 г. В ходе исследования было номинировано 72 параметра оценки несиловых оснований государственности. Все они распределялись по двум типологическим блокам — идейно-духовное состояние общества и цивилизационная идентичность

государства. Кроме этих двух критериев, определялся и третий — качество государственного управления и, наконец, четвертый — материальный фактор (уровень жизни).

Результаты корреляционного анализа позволили установить следующую иерархию значимости факторов:

1. Идеино-духовное состояние общества ($R = 0,74$).
2. Цивилизационная (национальная) идентичность ($R = 0,69$).
3. Качество государственного управления ($R = 0,54$).
4. Последняя строка — материально-социальное положение ($R = 0,28$).

Результаты убедительно подтвердили, что факторы нематериального свойства оказывают большее значение для устойчивости и жизнеспособности страны, государства.

Все это подтверждает доминирующую роль неэкономических факторов в эффективном развитии не только экономики, но и в обеспечении государственной и национальной безопасности. В книге ученых-экономистов Марио Райх и Саймон Долан «Глобальный кризис. За гранью очевидного» авторы предлагают разработать новую мировую идеологию, перейти к «Этическому бизнес-менеджменту, основанному на глубоком понимании как своих внутренних потребностей, так и условий окружающего мира, в котором ведется бизнес». На первый план, по мнению авторов, должны выйти новые духовные ценности. А на смену аббревиатуре ВВП (валовой внутренний продукт) придет ВСЦ (валовое создание ценностей). А основным мерилем будущего человечества станут не исключительно произведенные товары, а сложный симбиоз из духовного развития человека и материальных благ [3].

Экономика не может быть эффективной, если она не строится на принципах социальной справедливости и ответственности. В противном случае ни о какой свободной конкуренции и о законной стабильной прибыли говорить не приходится. Без связи экономики с нравственностью, без отказа от доминирования спекулятивного капитала невозможно ждать исцеления современной экономики от хронических болезней. Необходимо социальное измерение экономической политики.

Все наши болезненные проблемы, с которыми мы сталкиваемся в развитии рыночной экономики и в сфере общественного сознания, находятся в плоскости укоренившегося неприятия двух фундаментальных идей — идея верховенства духовно-нравственных принципов и верховенства закона. Н.А. Назарбаев говорил: «Мало кто на-

ходит в себе смелость признаться, что в основе кризиса лежат извечные человеческие пороки: жажда наживы, беспринципность и безответственность» [4]. Сходную картину мы видим и в сфере морали, которая, как и закон, не рассматривается у нас, в том числе и казахстанской элитой, в качестве нормативного регулятора поведения. А это уже создает релятивистский подход к поведенческой мотивации, к мотивации в работе и, вообще, к восприятию окружающего мира.

В размышлениях о роли культуры, духовности и нравственных начал, то есть нематериальных и неэкономических факторов в эффективном управлении экономикой, обеспечении национальной и государственной безопасности, безусловно, особое место занимает культура межнациональных отношений.

В Казахстане создана своя, неповторимая и уникальная модель государственной национальной политики, отличающаяся от европейского мультикультурализма.

Что примечательно: сегодня большинство лидеров Запада, и в первую очередь европейские лидеры, пришли к выводу о *полном провале политики мультикультурализма*.

Вслед за немецким канцлером Ангелой Меркель премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон, выступая недавно на конференции по безопасности в Мюнхене, сказал: «Политика государственной мультикультурализма *провалилась*, и я предлагаю своим европейским коллегам проснуться и осознать, что же происходит внутри наших границ. Доктрина мультикультурализма поощряет жизнь в разобщенных, отделенных друг от друга этнических общинах, тогда как для того, чтобы предотвратить распространение экстремизма, британцы нуждаются в более определенной и четкой национальной идентичности» [5].

В недавно вышедшей книге известного германского политика Тило Саррауин «Германия самоликвидируется. Как мы рискуем своей страной» высказываются серьезные опасения за итоги проводимой в стране национальной политики и автор призывает к уважению и сохранению национальных суверенных государств, которым угрожает разрушение титульных, государствообразующих наций. По признанию Ангелы Меркель, политика создания в Германии мультикультурного общества потерпела полный провал. Совершенно иной путь, иную формулу национальной политики предложил наш Президент. Создав такой уникальный институт, каким является Ассамблея народа Казахстана, мы смогли сформировать условия для развития национальной идентичности всех культур и этносов,

проживающих в нашей стране. Он обосновал научный тезис: любой народ есть инструмент с особым тембром в оркестре человечества. Именно непохожестью народ должен быть дорог и любим соседом. Эта президентская формула была положена в основу принципа работы Ассамблеи. Он стал ее концептуальной преамбулой. Ален де Бенуа — самый цитируемый сегодня в Европе французский ученый в своей книге «Против либерализма» пишет: «Принять разнообразие культур — значит прийти к полному их признанию». Такова идеология казахстанского подхода к национальной политике. Этого до недавнего времени не видели сторонники мультикультурализма. Невольно вспоминается начало девяностых, когда центробежные тенденции подталкивали деструктивные силы в бывших советских республиках к межэтническим конфликтам. В зоне их влияния находились и мы. Не исключалась опасность стать еще одной «горячей точкой» или территорией конфликтов, с чем уже столкнулся к тому времени современный мир. К великому счастью, наш мудрый народ смог не допустить подобного.

Чтобы определить предпосылки нашей сегодняшней стабильности, следует обратиться к ее архетипу. Политическая воля и понимание Первым Президентом уникальной роли Казахстана, его особой миссии как посредника между Востоком и Западом, удачно выстроенная внешняя политика стали определяющим моментом в достижении успеха молодой независимой республики.

Но есть еще одно обстоятельство, которое заслуживает особого уважения, детального изучения и вдумчивого понимания. У автора есть собственный взгляд на суть и философское содержание казахстанского менталитета. Причем эта точка зрения основана не только на собственном миропонимании и мировосприятии, собственных чувствах, она базируется на научных утверждениях.

В антропологии есть два фундаментальных правила: первое — это закон постоянства и второе — закон подвижности или пластичности.

Первый — обладает здоровым консерватизмом и предполагает бережное и трепетное отношение этноса к национальным традициям. А что такое традиции? Это духовная скрепа нации. Недаром один мудрец сказал: если хочешь уничтожить народ, нацию — уничтожь его традиции.

Второй закон — закон подвижности — это умение и способность принять другую культуру, щедро делиться своим теплом, быть донором души и добра с другим народом. В высшей степени этими

качествами обладает казахский народ. Гуманистическая направленность национальных традиций казахов имеет колоссальную нравственную ценность. Это то, что можно преобразовать в технологии самого высшего класса, в современные стандарты новой целостной общности — народ Казахстана. Сформировавшаяся казахстанская ментальность базируется на духовных и нравственных ценностях казахской ментальности. В этом — главное наше достояние.

Вместе с тем ни в коем случае нам нельзя спокойно относиться к этим успехам. Они требуют постоянного, а главное, очень умного и вдумчивого анализа. Межнациональные, межличностные отношения, сам процесс социализации общества — настолько тонкая, ранимая и хрупкая сфера, что она требует чистого и взвешенного подхода. Для этого в самом обществе должна сохраняться особая морально-нравственная атмосфера — основа неэкономических факторов экономики и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомолов О. Невидимая рука и властная длань // Литературная газета. — 2009 — №5.
2. Назарбаев Н. Казахстан в посткризисном мире: интеллектуальный прорыв в будущее // Казправда. — 2009, 14 октября.
3. Райх М., Долан С. Глобальный кризис. За гранью очевидного. — М.: Претекст, 2010.
4. Назарбаев Н. Указ. соч.
5. Миражи рассеиваются // Литературная газета. — 2011. — №5.

Страны БРИКС в стратегии экономической интеграции Казахстана

МУХАМЕДЖАНОВА Д.Ш.

Сотрудничество в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) — это проявление объективной тенденции к формированию полицентричного мира. Входящие в него страны являются наиболее динамичной силой глобальной экономики. Все государства БРИКС выступают за реформу финансово-экономической архитектуры мира в соответствии с интересами новых центров силы. В принятой Декларации (2011 г.) странам БРИКС удалось сформировать концептуальную базу и программу деятельности организации. Новый этап развития БРИКС связан с углублением экономического взаимодействия внутри блока и формированием системы внешних связей, в частности с регионами и государствами Евразии.

Для Казахстана экономическое сотрудничество с БРИКС становится неотъемлемым элементом интеграционных отношений с Россией в формате ЕЭП, ЕврАзЭС, СНГ и одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики. В связи с этим Казахстан заинтересован в укреплении блока БРИКС (как важной составляющей нового миропорядка), нацеленном на продвижение интересов развивающихся экономик, сотрудничество с развитыми государствами и в конечном счете на обеспечение устойчивости и безопасности евразийской и мировой экономики.

БРИКС в системе международных отношений

Создание БРИКС стало коллективной ответной мерой стран, обладающих экономическим потенциалом глобального масштаба и не имеющих адекватных механизмов участия в принятии гло-

бальных решений, на трансформацию системы международных отношений.

Эволюция БРИКС сопровождалась изменением восприятия организации в мировом общественном мнении. БРИКС как неформальный глобальный форум партнерского диалога и сотрудничества ведущих государств с динамично развивающимися экономиками возник в условиях формирующейся полицентричной международной системы. Механизм коллективного лидерства БРИКС основан на диалоге между странами-участниками в сфере международных отношений в формате министерских встреч и саммитов*. В свете происходящих позитивных моментов в развитии организации, начиная от расширения повестки и состава стран-участников**, очевидным становится возрастание глобальной роли БРИКС.

Значение организации в развитии новой системы международных отношений обусловлено, на наш взгляд, ролью БРИКС в формировании:

- многополярного мира;
- мирового правительства в рамках G20;
- новых механизмов глобального управления на принципах коллективного лидерства стран с разными политическими и экономическими моделями развития, разной цивилизационной и территориальной принадлежностью;
- предпосылок для форсирования сотрудничества между развитыми и развивающимися странами в области устойчивого развития.

По итогам последнего саммита в КНР (2011 г.) принята Декларация лидеров БРИКС, а также План действий, в котором представлены все «три корзины» сотрудничества в практических областях. Однако экономическим аспектам развития БРИКС в настоящее время уделяется особое внимание. Наибольшего взаимодействия страны БРИКС достигли в ходе решения проблем глобального экономического развития в условиях кризиса и посткризисного развития, а также определении параметров новой финансово-экономической архитектуры. В частности, в Декларации (2011 г.) речь идет:

- об усилении роли G20 в глобальном управлении;
- о необходимости реформирования МВФ и международной финансовой системы с целью перераспределения квот и голосов в

* Первая министерская встреча в формате БРИК состоялась 20 сентября 2006 г. на сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, в которой приняли участие министры иностранных дел России, Бразилии, Китая и министр обороны Индии. Первый полноформатный саммит БРИК прошел 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге. 14 апреля 2011 г. в КНР (Санья) состоялся третий саммит БРИК (или первый саммит БРИКС).

** Южно-Африканская Республика вступила в БРИК в декабре 2010 г.

Страны БРИКС в стратегии экономической интеграции Казахстана

МУХАМЕДЖАНОВА Д.Ш.

Сотрудничество в формате БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) — это проявление объективной тенденции к формированию полицентричного мира. Входящие в него страны являются наиболее динамичной силой глобальной экономики. Все государства БРИКС выступают за реформу финансово-экономической архитектуры мира в соответствии с интересами новых центров силы. В принятой Декларации (2011 г.) странам БРИКС удалось сформировать концептуальную базу и программу деятельности организации. Новый этап развития БРИКС связан с углублением экономического взаимодействия внутри блока и формированием системы внешних связей, в частности с регионами и государствами Евразии.

Для Казахстана экономическое сотрудничество с БРИКС становится неотъемлемым элементом интеграционных отношений с Россией в формате ЕЭП, ЕвразЭС, СНГ и одним из ключевых направлений внешнеэкономической политики. В связи с этим Казахстан заинтересован в укреплении блока БРИКС (как важной составляющей нового миропорядка), нацеленном на продвижение интересов развивающихся экономик, сотрудничество с развитыми государствами и в конечном счете на обеспечение устойчивости и безопасности евразийской и мировой экономики.

БРИКС в системе международных отношений

Создание БРИКС стало коллективной ответной мерой стран, обладающих экономическим потенциалом глобального масштаба и не имеющих адекватных механизмов участия в принятии гло-

бальных решений, на трансформацию системы международных отношений.

Эволюция БРИКС сопровождалась изменением восприятия организации в мировом общественном мнении. БРИКС как неформальный глобальный форум партнерского диалога и сотрудничества ведущих государств с динамично развивающимися экономиками возник в условиях формирующейся полицентричной международной системы. Механизм коллективного лидерства БРИКС основан на диалоге между странами-участниками в сфере международных отношений в формате министерских встреч и саммитов*. В свете происходящих позитивных моментов в развитии организации, начиная от расширения повестки и состава стран-участников**, очевидным становится возрастание глобальной роли БРИКС.

Значение организации в развитии новой системы международных отношений обусловлено, на наш взгляд, ролью БРИКС в формировании:

- многополярного мира;
- мирового правительства в рамках G20;
- новых механизмов глобального управления на принципах коллективного лидерства стран с разными политическими и экономическими моделями развития, разной цивилизационной и территориальной принадлежностью;
- предпосылок для форсирования сотрудничества между развитыми и развивающимися странами в области устойчивого развития.

По итогам последнего саммита в КНР (2011 г.) принята Декларация лидеров БРИКС, а также План действий, в котором представлены все «три корзины» сотрудничества в практических областях. Однако экономическим аспектам развития БРИКС в настоящее время уделяется особое внимание. Наибольшее взаимодействие страны БРИКС достигли в ходе решения проблем глобального экономического развития в условиях кризиса и посткризисного развития, а также определении параметров новой финансово-экономической архитектуры. В частности, в Декларации (2011 г.) речь идет:

- об усилении роли G20 в глобальном управлении;
- о необходимости реформирования МВФ и международной финансовой системы с целью перераспределения квот и голосов в

* Первая министерская встреча в формате БРИК состоялась 20 сентября 2006 г. на сессии Генассамблеи ООН в Нью-Йорке, в которой приняли участие министры иностранных дел России, Бразилии, Китая и министр обороны Индии. Первый полноформатный саммит БРИК прошел 16 июня 2009 г. в Екатеринбурге. 14 апреля 2011 г. в КНР (Санья) состоялся третий саммит БРИК (или первый саммит БРИКС).

** Южно-Африканская Республика вступила в БРИК в декабре 2010 г.

МВФ в интересах развивающихся стран и стран с переходной экономикой*;

- о реформировании мировой финансовой системы.

Наряду с экономическими, в числе действующих рычагов продвижения на глобальный уровень интересов стран БРИКС зарубежными аналитиками рассматриваются и политические: территориальные — ограничивающие свободу действий третьих сил; дипломатические — обеспечивающие единство позиций в рамках международных организаций; готовность к коллективным действиям.

Перспективы развития организации связаны с необходимостью решения ряда вопросов организационного и экономического характера, в частности:

- возможной институционализации БРИКС. Ежегодные саммиты БРИКС уже придают блоку официальный характер, однако объединение не является официальной международной организацией, но ее создание, безусловно, поднимет политический статус и изменит роль БРИКС в глобальном управлении. Однако в настоящее время отсутствуют объективные предпосылки к более тесному экономическому взаимодействию между странами и формированию межконтинентального союза из-за существующей разницы политических и экономических моделей национального развития, цивилизационной принадлежности и интересов участия в форуме. Межгосударственные экономические связи не развиты в достаточной мере. К тому же, страны уже активно реализуют свои региональные интеграционные проекты и пока не имеют общей позиции по проблемам развития организации. Так, Китай выступает против политизации, а также институционализации БРИКС, подчеркивая экономическую роль организации. Индия больше заинтересована в укреплении позиций группировки в МВФ, кроме того, Индия и Бразилия стремятся стать членами Совета безопасности ООН. Бразилия ограничена необходимостью сохранять добрососедские отношения с США, а ЮАР стремится к лидерству в своем регионе. Тем не менее в получении определенного организационного оформления БРИКС заинтересована Россия как хозяйин саммита в 2013 г.;

- расширения БРИКС. Возрастающее международное значение БРИКС подтверждает стремление Мексики, Индонезии и Турции присоединиться к организации. О присоединении также задумываются Египет, Иран и Южная Корея [1]. Однако, по мнению российских и

* В 2010 г. БРИК улучшила свои позиции в МВФ, увеличив совокупную квоту более чем на 3%.

зарубежных экспертов, пока не следует размывать единство позиций БРИКС быстрым расширением числа участников, а ограничиться, например, статусом «партнера по диалогу» [2];

- определения приоритетов сотрудничества. Что касается приоритетов сотрудничества, на наш взгляд, дальнейшее формирование организации должно идти по пути развития механизма коллективного лидерства в принятии решений в форматах G8, G20, ООН, направленных на обеспечение, прежде всего, экономической безопасности на уровне государств БРИКС и регионов их влияния;

- повышения уровня экономического развития. Не стоит забывать, что страны БРИКС — это государства с недостаточно высоким уровнем экономического развития, неразвитой структурой экономики, зависимой от энергоносителей и экспорта инноваций, а также имеющие нерешенные социальные проблемы. Тем не менее вероятность усиления влияния этой группировки в мире очень высока. По прогнозным оценкам, к 2040—2050 гг. ВВП стран БРИКС будет больше, чем стран G7, и, кроме того, они догонят страны «семерки» по уровню инновационного развития;

- необходимости сотрудничества в сфере обороны. Несмотря на провозглашенный экономический характер сотрудничества, БРИКС оказывает влияние на формирование мирового баланса в военной сфере. На современном этапе немаловажным аспектом формирования полюса силы и участия в геополитической и геоэкономической конкуренции ведущих держав является показатель военных расходов. Как известно, доминируют в этой сфере США, на которые приходится 43% мировых оборонных расходов. Конкуренцию США в области оборонных расходов может составить только группа стран, в частности БРИКС как коллективный лидер. На сегодня совокупная доля БРИКС (без ЮАР) в мировых оборонных расходах составляет примерно 14% [3]. По мнению российских и китайских экспертов, политические задачи должны быть достижимыми и использоваться в качестве инструмента многополярной дипломатии, «завышенные политические амбиции для стран организации — смертельно вредны БРИКС» [4].

Экономика и тенденции развития БРИКС

Страны БРИКС занимают около 30% площади планеты, на территории государств организации проживает более 40% населения земли. На долю государств группы БРИКС приходится более 40% мирового производства традиционных видов энергии, в том числе более 20%

добычи нефти и газа. Страны БРИКС в последнее десятилетие являются «локомотивом» мирового экономического развития. В 2010 г. около четверти мирового ВВП (по ППС) приходилось на долю стран БРИКС. Около 50% прироста мирового ВВП, в том числе в посткризисный период, обеспечили страны БРИКС. Экономика БРИКС по итогам 2010 г. обогнала показатели ЕС, так, ВВП БРИКС составил 12,7 трлн долл. США, что на 0,5 трлн долл. больше ВВП Еврозоны. Динамику развития блока определяет экономика Китая как наиболее масштабная и быстроразвивающаяся (рис. 1).

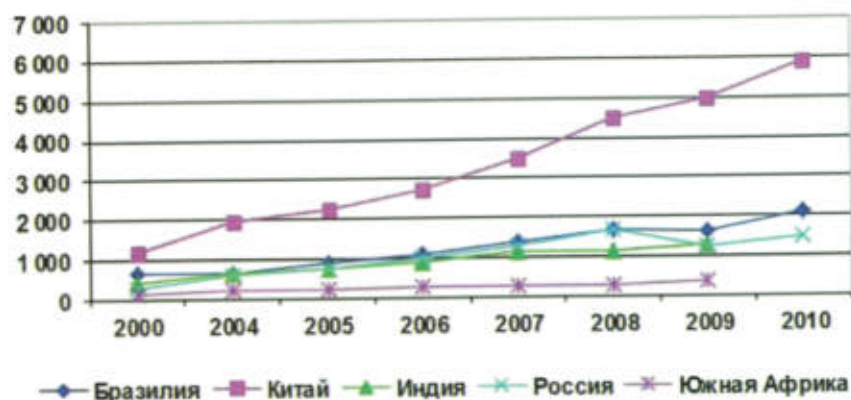

Рис. 1. Динамика ВВП стран БРИКС в 2000—2010 гг., в текущих ценах, в млрд. долл. США

Источник: BRICS Joint Statistical Publication 2011 // <http://www.mid.ru/brics>.

Страны БРИКС оказывают влияние на формирование тенденций развития мировой торговли. Доля стран БРИКС в мировом товарообороте постоянно увеличивается. В 2010 г. на них приходилось 15,7% мировых экспортно-импортных операций, что более чем 2 раза больше, чем в 2000 г. (рис. 2).

Наибольший объем товарооборота стран БРИКС приходится на Китай. Доля КНР в совокупном товарообороте БРИКС составляет 63,3% (рис. 3).

Темпы роста объемов экспорта и импорта стран БРИКС превышали в последнее десятилетие среднемировые показатели (рис. 4, 5). В 2010 г. по сравнению с 2000 г. экспорт и импорт БРИКС увеличился более чем в 5 раз. В настоящее время доля БРИКС в мировом экспорте — 16,6%, в мировом импорте — 14,8%.

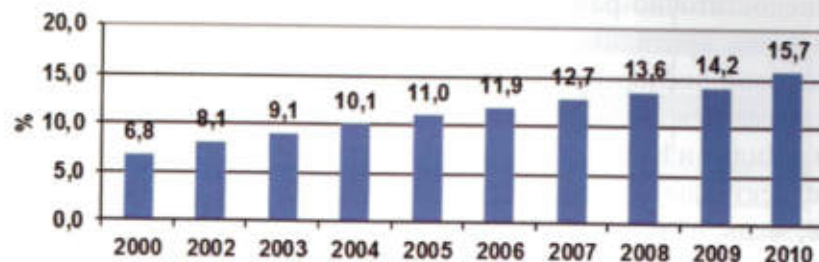

Рис. 2. Доля стран БРИКС в мировом товарообороте в 2000—2010 гг., в %

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook, Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 3. Объем товарооборота стран БРИКС в 2000—2010 гг., в млн долл. США

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook, Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

Темпы роста объемов экспорта и импорта стран БРИКС превышали в последнее десятилетие среднемировые показатели (рис. 4, 5). В 2010 г. по сравнению с 2000 г. экспорт и импорт БРИКС увеличился более чем в 5 раз. В настоящее время доля БРИКС в мировом экспорте — 16,6%, в мировом импорте — 14,8%.

Несмотря на то, что страны БРИКС неравнозначны по объемам ВВП, размерам территории и численности населения (рис. 6), масштабы экономик и в большей степени наличие ресурсов мирового значения определяют место БРИКС в международном разделении труда.

Большинство стран БРИКС — это страны, богатые природными ресурсами. Бразилия является крупным производителем сельскохозяйственной продукции, а также обладает богатейшими, хотя

еще недостаточно разведанными запасами полезных ископаемых. Экономика Бразилии — крупнейшая в Южной Америке. Россия — мировой экспортер минеральных ресурсов. ЮАР также богата полезными ископаемыми (алмазы, золото, марганцевые и железные руды). Индия и Китай обладают значительными резервами трудовых (интеллектуальных) ресурсов. Помимо этого, в Китае добывается уголь, медь, алюминий, молибден, марганец, в Индии — железная руда, алмазы, золото, торий.

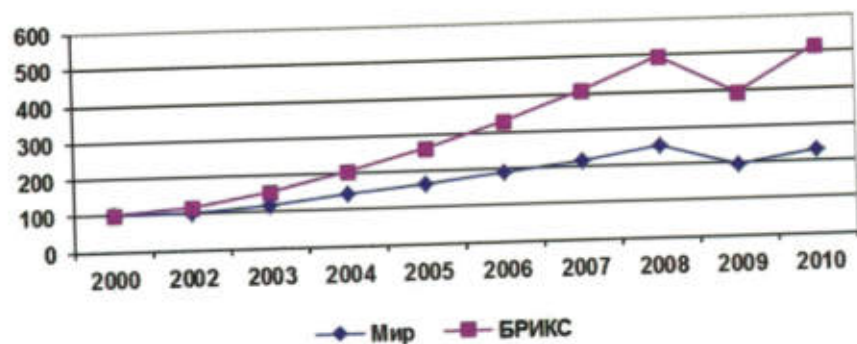

Рис. 4. Темпы роста мирового экспорта и экспорта стран БРИКС в 2000—2010 гг., в % к 2000 г.

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

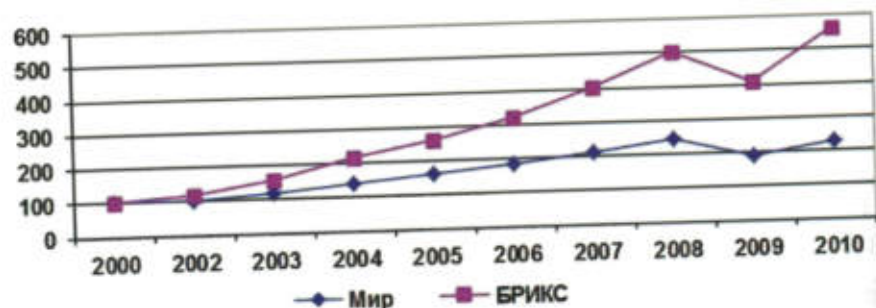

Рис. 5. Темпы роста мирового импорта и импорта стран БРИКС в 2000—2010 гг., в % к 2000 г.

Источник: 2010 International Trade Statistics Yearbook. Dec. 2011 // <http://comtrade.un.org>.

Рис. 6. ВВП, численность населения и площадь стран БРИКС, в % к итогу

Источник: BRICS Joint Statistical Publication 2011 // <http://www.mid.ru/brics>.

Пессимистические прогнозы развития стран БРИКС основаны преимущественно на следующих аргументах: отсутствии у стран БРИКС общей цивилизации, общей истории, общих долгосрочных интересов; невозможности образовать общий экономический кластер в силу разницы в уровнях социально-экономического и научно-образовательного развития, в частности, страны значительно разнятся по индексу человеческого развития* и уровню ВВП на душу населения (рис. 7).

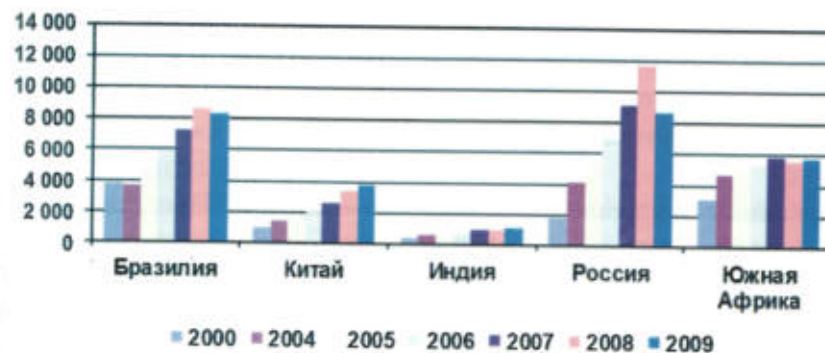

Рис. 7. Уровень ВВП на душу населения в странах БРИКС в 2000—2009 гг.

Источник: BRICS Joint Statistical Publication 2011 // <http://www.mid.ru/brics>.

* В Докладе о человеческом развитии 2011 РФ занимает 66 место по ИЧР, Бразилия — 84, Китай — 101, Индия — 134, ЮАР — 123 // <http://hdr.undp.org>. — 2011.

Тем не менее позитивный прогноз развития БРИКС представляется, на наш взгляд, наиболее убедительным. Позитивные оценки перспектив БРИКС основаны на растущем экономическом потенциале экономик стран-членов, на открытости задач и целей создания организации, направленных, в частности, на обеспечение устойчивого и безопасного экономического развития. В составе организации — три ядерные державы, две из которых (Россия и Китай) входят в Совет безопасности ООН в качестве постоянных членов. БРИКС стала прообразом нового полюса силы, необходимого для формирования полицентричного миропорядка. Зона влияния нового блока с участием ЮАР формально распространена на четыре континента. Особенностью и преимуществом БРИКС, на наш взгляд, является новый формат сотрудничества, ориентированный на коллективное лидерство в интересах развивающихся экономик и развитие механизмов согласования международных экономических и политических решений между развитыми и развивающимися странами.

Аналитики прогнозируют, что к 2050 г. совокупный ВВП БРИКС превысит ВВП США более чем в 4 раза. Именно в странах БРИКС ожидается наибольший рост посткризисной потребительской активности. После вступления в клуб ЮАР, возрастает интерес к участию в клубе других развивающихся экономик.

Страны БРИКС участвуют в различных международных союзах, таких, например, как ШОС, G5, G8, G20, МЕРКОСУР, ЕврАзЭС, СНГ и др., обладают региональным влиянием и, следовательно, дополнительными рычагами и механизмами согласования интересов и проведения скоординированной политики на глобальном уровне.

Основные экономические события начала 2011 г. показали, что кризис не преодолен. Это связано и с проблемами экономики ЕС, и с ростом уровня дефицита бюджета США, и с неспособностью МВФ изменить мировую экономическую ситуацию. В этих условиях консолидация развивающихся стран БРИКС создает предпосылки для синергетического эффекта, когда объединение позиций по многим вопросам может принести пользу всем участникам, тем более что по ключевым вопросам развития международной жизни, мировой экономики и политических процессов страны БРИКС придерживаются общих позиций. Развитие БРИКС в русле принятой совместной Декларации означает постепенную трансформацию экономического роста БРИКС в экономическое влияние.

БРИКС в стратегии экономической интеграции Казахстана

Возрастающая роль БРИКС в создании новой архитектуры международных отношений, а также активное участие России в развитии организации формируют новые аспекты экономической политики РК. Казахстан не может не учитывать влияния данного объединения на экономику республики и Центральной Азии, а также представляющиеся возможности для обсуждения региональных проблем на глобальном уровне.

Вхождение России в состав блока БРИКС влияет на формирование экономической политики Казахстана, имеющего с января 2012 г. единое с Россией экономическое пространство:

- во-первых, страны БРИКС автоматически рассматриваются в качестве ключевого направления внешнеэкономической и интеграционной политики страны;

- во-вторых, Казахстан опосредованно становится участником проектов БРИКС, реализуемых на пространстве Российской Федерации.

В связи с этим для Казахстана, на наш взгляд, важно разработать новое направление «БРИКС» во внешнеэкономической (интеграционной) стратегии Казахстана, сформулировать основные приоритеты и обозначить пути возможного участия в работе БРИКС.

Выделение БРИКС в самостоятельный раздел внешнеэкономической стратегии Казахстана обусловлено:

- необходимостью формирования согласованной внешнеэкономической политики Казахстана и России в формате ЕЭП;

- возможностями участия Казахстана в совместных проектах со странами БРИКС для решения задач форсированной индустриализации и модернизации экономики;

- региональными интересами Казахстана в Центральной Азии и необходимостью их продвижения на глобальный уровень.

В рамках внешнеэкономической стратегии Казахстан может предпринять следующие меры к расширению сотрудничества со странами БРИКС:

- увеличить объемы взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества;

- принять активное участие в обсуждении ключевых экономических идей (направлений), объединяющих страны БРИКС.

Расширение товарооборота и инвестиционного сотрудничества — первый шаг к экономической консолидации с Бразилией, Индией и ЮАР. В настоящее время эти страны практически не представлены

на казахстанском рынке, на их долю приходится менее 1% общего объема товарооборота Казахстана. В то же время на Китай и Россию приходится 35% общего товарооборота Казахстана или 98% товарооборота Казахстана со странами БРИКС (рис. 8).

Рис. 8. Доля стран БРИКС в товарообороте Казахстана с БРИКС в 2010 г., в %

Источник: <http://www.stat.gov.kz>.

Соответственно, активно развивается инвестиционное сотрудничество с Китаем и Россией и практически отсутствуют потоки инвестиций между Казахстаном и другими странами БРИКС. В этой связи целесообразным представляется изучить вопрос о блоковом партнерстве ЕЭП с Таможенным союзом стран Южной Африки и Южноамериканским общим рынком МЕРКОСУР, об упрощении таможенных процедур для товаров из Бразилии и Южной Африки, а также обеспечении благоприятного инвестиционного климата для Индии, Бразилии и Южной Африки.

Предпосылками для расширения участия Казахстана в ключевых проектах БРИКС могут стать:

- согласование с Россией вопросов казахстанского участия (как члена единого с РФ экономического пространства) для формирования общей концепции в саммитах и встречах БРИКС, а также саммитах G20 (Россия выдвинула предложение принять у себя саммит G20 в 2013 г.);

- включение в повестку соответствующих государственных структур Казахстана проблематики БРИКС для принятия стратегических решений в сфере энергетической, продовольственной, экологической безопасности и других вопросов устойчивого развития.

Ключевые экономические проекты БРИКС, в которых может принять участие Казахстан, затрагивают проблемы:

- реформирования международной системы резервных валют. Страны БРИКС уже предприняли определенные шаги в этом направлении, заключив рамочное соглашение о кредитовании друг друга в национальных валютах, банки «пятерки» подписали соглашение о кредитовании совместных проектов*;

- продовольственной и энергетической безопасности, угрозой которой представляет неконтролируемый рост цен на сырьевые товары, включая нефть, продукты питания, электроэнергию;

- развития безопасной атомной энергетики и использования возобновляемых источников энергии;

- защиты окружающей среды и адаптации экономик к изменению климата;

- сотрудничества в сфере науки, техники и инноваций, включая мирное освоение космоса и др.

* * *

Значение БРИКС в развитии новой системы международных отношений обусловлено ролью организации в формировании полицентричного миропорядка и новых механизмов глобального управления в рамках G20.

Роль БРИКС в становлении нового миропорядка будет возрастать. Особенностью и преимуществом БРИКС является новый формат сотрудничества, ориентированный на коллективное лидерство в интересах развивающихся экономик и развитие механизмов согласования международных экономических и политических решений между развитыми и развивающимися странами.

Страны БРИКС участвуют в различных международных союзах, обладают региональным влиянием, следовательно, дополнительными рычагами и механизмами согласования интересов и проведения скоординированной политики на глобальном уровне.

В условиях преодоления кризисных явлений консолидация развивающихся стран БРИКС создает предпосылки для синергетического эффекта, когда объединение позиций по многим вопросам может принести пользу всем участникам, тем более что по ключевым вопросам развития международной жизни, мировой экономики и политических процессов страны БРИКС придерживаются общих позиций.

* G20, в принципе, одобрила включение в корзину валют китайского юаня и российского рубля.

Казахстан должен учитывать влияние данного объединения на экономику республики и Центральной Азии, а также представляющиеся возможности для обсуждения региональных проблем.

Вхождение России в состав блока БРИКС влияет на формирование экономической политики Казахстана, имеющего с января 2012 г. единое с Россией экономическое пространство. В связи с этим для Казахстана важно разработать новое направление «БРИКС» во внешнеэкономической (интеграционной) стратегии, сформулировать основные приоритеты и обозначить пути возможного участия в работе БРИКС.

Выделение БРИКС в самостоятельный раздел внешнеэкономической стратегии Казахстана обусловлено необходимостью формирования согласованной внешнеэкономической политики Казахстана и России в формате ЕЭП, региональными интересами Казахстана в Центральной Азии и их продвижением на глобальный уровень.

Основные меры по расширению сотрудничества Казахстана и стран БРИКС связаны с необходимостью увеличения объемов взаимной торговли и инвестиционного сотрудничества и принятием участия в обсуждении ключевых экономических идей, объединяющих страны БРИКС.

Расширение участия Казахстана в ключевых проектах БРИКС возможно путем:

- согласования с Россией казахстанского участия (как члена единого с РФ экономического пространства) в саммитах и встречах БРИКС, саммитах G20 и выработки общих подходов;
- включения в повестку соответствующих государственных структур Казахстана проблематики БРИКС для принятия стратегических решений в сфере энергетической, продовольственной, экологической безопасности и других вопросов устойчивого развития;
- развития сотрудничества в рамках ООН, прежде всего в Совете безопасности;
- взаимодействия со странами БРИКС в процессе разработки долгосрочной программы посткризисного развития мира с учетом роли ЦАР;
- создания сети взаимодействующих региональных интеграционных объединений (ЕврАзЭС, ЕЭП, МЕРКОСУР, ШОС, Таможенный союз Южной Африки и др.);
- создания совместных проектов в сферах энергетики (в т.ч. атомной), продовольственной безопасности, космической отрасли, здравоохранения, альтернативной энергетики, горнодобывающих и других отраслях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толорая Г. Россия и БРИКС: стратегия взаимодействия // <http://sr.fondedin.ru>.
2. Там же.
3. Харт Э., Джонс Б. Как укрепляются растущие державы // Вестник международных организаций. — 2011. — №2 // <http://ioj.hsc.ru>.
4. Странам БРИКС предсказали подъем экономик // <http://www.memoid.ru>.

Драгоценные металлы — как защитный инструмент инвестиций

СИГАЕВ Е.А.

Мировой спрос на золото в 2011 г. вырос до 4 067,1 т и, по данным World Gold Council, оценивается в 205,5 млрд долл. США. Рост спроса на золото в 2011 г. был обусловлен повышенной активностью со стороны европейских инвесторов, напуганных долговым кризисом и ищущих надежные активы для вложений. На фоне страхов о повторной рецессии мировые Центробанки также увеличили закупки золота, доведя их в 2011 г. до 440 т. Для сравнения, в 2010 г. аналогичный показатель составил всего 77 т.

Традиционно золото считается защитным инструментом. Покупка золотых слитков — это распространенный способ инвестирования, имеющий различия лишь в зависимости от законодательства той или иной страны. Так, в США слитки и монеты разрешено приобретать через крупные банки и брокерские конторы, а также через специализированных «золотых» дилеров. Инвестор сам выбирает способ покупки, хранения металла и размер слитков (от 1 г до нескольких кг). Один из немногих минусов — инвестировать в металл небольшие суммы непросто: большинство банков, осуществляющих операции с золотыми слитками, не совершают сделок объемом менее 1 тыс. унций (более 25 кг).

Популярны вложения и в так называемые слитковые, или инвестиционные монеты. Их рыночная цена складывается из стоимости золотого содержания, а также небольшой премии (не более 4—8%) на покрытие расходов по чеканке и распространению, которая

варьируется в зависимости от веса монеты. Во многих странах покупка инвестиционных монет освобождена от обложения НДС. Инвесторы могут выбирать из огромного количества золотых монет, выпущенных в разных странах мира. В ходу американские «Орлы», «Кленовые листья» из Канады, английские «Великобритания» и мн. др. Такие монеты редко падают в цене, их легко и купить, и продать.

На фьючерсы и опционы на золото приходится основной объем торговли срочными контрактами, базовым активом для которых выступает драгоценный металл. Эти инструменты используются в основном производителями золота в целях защиты от риска неблагоприятного изменения цены и спекулянтами, пытающимися извлечь выгоду из правильно угаданной динамики цен на спот-рынке. Драгоценные памятные или нумизматические монеты также могут рассматриваться как объект инвестиций. Их стоимость в большей степени зависит не от количества драгметалла в монете, а от редкости, качества чеканки и исторической ценности. Имеющие коллекционную ценность монеты не падают в цене при снижении рыночных цен на золото, а продаются с более высокой (коллекционной) премией по сравнению с инвестиционными монетами. Редкие золотые монеты давно стали ликвидными активами — на электронной нумизматической бирже покупаются и продаются тысячи сертифицированных монет. Их можно также реализовать напрямую дилеру или на открытом аукционе. У профессионально составленной коллекции почти всегда есть перспектива вырасти в цене.

Самый высокий инвестиционный спрос в 2011 г. отмечался со стороны Индии, Китая и Европы. Китай и Индия остаются лидерами спроса на золото, на них приходится порядка 55% мирового спроса на ювелирные изделия и 49% мирового спроса. Индия остается на первом месте по спросу — 933,4 т. Индийский спрос на золотые ювелирные изделия составил более 500 т, спрос инвестиционного рынка достиг 366 т. На Индию также приходится 25% спроса от общего числа золотых изделий и монет во всем мире.

В Китае годовая потребность достигла 769,8 т, что превышает прошлогодний показатель на 20%, в результате увеличения потребностей в ювелирных изделиях и инвестициях.

В нижеследующей таблице приведена общая статистика спроса на золото в 2011 г. по отраслям.

Статистика спроса на золото в 2011 г. по отраслям

Отрасль	Натуральное выражение, т	Оценка, млрд \$	Отношение в 2010 г., %
Инвестиции	1 640,7	82,9	+4,67
Центробанки	439,7	–	+471,4
Ювелирные изделия	1 962,9	99,2	–2,67
Слитки и монеты	1 486,7	–	+24
Промышленность	463,5	23,4	–0,62
Электроника	330,4	16,7	+1,1
Стоматология	43,8	–	–10

Примечание: составлено согласно данным World Gold Council и агентства «Инвесткафе».

Как видно из табличных данных, наибольшая потребность в драгоценном металле присутствовала в отрасли производства ювелирных изделий, однако отмечается значительный рост со стороны центральных банков, как отмечалось выше.

Еще одним из продуктивных инструментов инвестирования являются обеспеченные золотом ценные бумаги. Торговля ими позволяет избежать комиссионных за покупку физического золота, которые могут достигать 7%, и не прибегать к рискованным операциям с фьючерсами. Купить и продать ценные бумаги индивидуальные инвесторы могут через обычные брокерские компании. Еще один плюс — открыть счет можно через сайт компании. Торговлю такими бумагами осуществляет на Лондонской фондовой бирже (LSE) Всемирный золотой совет (The World Gold Council), созданный рядом крупнейших золотодобывающих компаний. Каждая ценная бумага гарантирует держателю возможность приобрести одну десятую тройской унции драгметалла. Золото, обеспечивающее ценные бумаги, находится в хранилищах банка HSBC в Лондоне. Другой способ заработать на росте цен на металлы — покупка акций золотодобывающих и горнодобывающих компаний.

Инвестор рискует потерять все вложенные в них средства при банкротстве компании или резком снижении стоимости ее акций. Акции не следует считать защитным активом, выполняющим функцию финансовой страховки. Скорее, это спекулятивный инструмент, способный принести неплохой доход при условии правильной оцен-

ки риска и потенциальной доходности. Потенциал роста стоимости акций определяется не столько динамикой цен на золото, сколько финансовыми показателями компании-эмитента.

С другой стороны, инвесторы имеют возможность получать не только доход в виде прироста капитала (в результате роста рыночной цены), но и прибыль в виде дивидендов. Правда, когда цены на золото сильно вырастают, компании обычно начинают разрабатывать низкодоходные копи и модернизировать оборудование, чего они не могли себе позволить в период низких цен на металл. Это уменьшает их прибыли и, соответственно, сдерживает рост акций.

Еще один метод — открытие металлических счетов, которые подразделяются на счета ответственного хранения и обезличенные. В первом случае конкретные слитки (или монеты) находятся у банка-хранителя, а инвестор оплачивает их хранение. Объединенные счета, которые также называют обезличенными счетами хранения, относятся к депозитам, на которых размещены драгметаллы без указания их конкретных характеристик. Каждый покупатель становится владельцем некоторой доли в общем пуле драгоценных металлов, хранимых в банке, и может легко и быстро продать ее без каких-либо дополнительных комиссий. Он имеет также право получить золото на руки в виде любых слитков или монет после оплаты небольшой премии и расходов по доставке.

Плюс подобного инвестирования в простоте операций: их можно осуществлять через Интернет в режиме реального времени. Владельцы обезличенных счетов не несут расходов по хранению — это главное преимущество. Правда, существует и риск невозврата слитков в случае неплатежеспособности банка.

«Золотые» сертификаты предназначены для инвесторов, желающих приобрести менее 1 тысячи унций драгметалла. Сертификат подтверждает покупку золота и закрепляет за покупателем право собственности на драгметалл, депонированный на личном или обезличенном счете. Сертификаты можно приобрести через сеть аккредитованных международных дилеров.

Таким образом, существует целый ряд производных инструментов от базового актива (золото) и какой из них выбрать, решает только сам инвестор.

В свете последних событий в мировой экономике инвестиции в драгоценные металлы становятся не спекулятивным, как это было раньше, а именно защитным инструментом и потребность в нем будет только расти.

Развитие киберпространства: проблемы управления

ЧЕРНЫХ И.А.

«Киберпространство» — термин, принятый для обозначения виртуального пространства, возникающего в процессе взаимодействия человека и компьютера (его оперативными и постоянными запоминающими устройствами). В инженерной литературе его аналогом выступают информационно-коммуникационные технологии и информационные услуги в том виде, в каком они сформировались к 2000-м гг., то есть в виде *глобальной электронной среды*.

Глобальная электронная среда («киберпространство») за счет того, что в нее во все большей степени переносятся важнейшие составляющие политической, экономической, социальной и культурной деятельности, приобретает, как минимум, два измерения, касающиеся вопросов национальной безопасности:

- информационное (борьба с киберпреступностью);
- социальное (взаимоотношения с «сетевыми структурами и организациями»).

Первое измерение является сферой обеспечения информационной безопасности, прежде всего, с точки зрения технологий и, соответственно, относится к компетенции IT-специалистов. Второе — затрагивает идентификационные модели поведения индивидуумов и различных социальных групп (социальная безопасность) и находится в компетенции специалистов социально-гуманитарной сферы. Промежуточное положение занимает вопрос информационных войн, содержащий в себе как технологическую, так и социальную составляющую.

Особую актуальность вопросам взаимосвязи социальной безопасности и «киберпространства» придали «арабские революции» 2010—2011 гг., движущим мотивом которых явился именно иден-

тификационный раскол соответствующих обществ. Мобилизация данных обществ на протестную активность была осуществлена посредством использования новейших информационно-коммуникационных технологий. В данной статье акцент делается на социальную составляющую управления «киберпространством».

Особенности глобального киберпространства

Наиболее существенными характеристиками глобальной электронной среды («киберпространства») с точки зрения социальной безопасности являются:

- трансграничность, способность проникать сквозь традиционные межгосударственные барьеры и вытекающая отсюда глобальность охвата различных сфер деятельности человеческого общества;
- мобильность, портативность и универсальность (соединение нескольких функций в одном устройстве), что ведет к расширению диапазона применения информационно-коммуникационных технологий;
- экономическая и технологическая доступность для потребителя и связанная с этим массовость использования информационно-коммуникационных технологий, определяющая, в свою очередь, возможность влияния на формирование социальных и политических процессов, в том числе принятие политических решений.

Данные характеристики содержат как возможности, так и риски.

Считается, что государства, вовлеченные в процесс информатизации, получают три типа бонусов:

- *непосредственные*, за счет увеличения эффективности существующих функций, таких, как развитие экспортно-ориентированного производства и конкурентной экономики (что особенно важно для Казахстана в контексте ориентации на инновационно-индустриальное развитие); управление внутренними и, отчасти, внешними политическими и социальными процессами; мотивация населения;
- *тактические*, из-за получения новых функциональных возможностей, таких, как диаспоральное управление на глобальном уровне*;
- *стратегические*, в силу возможности/способности установить свои правила игры на пока только возникающей территории — информационном поле.

* В 2001 г. Китай, признав невозможность достижения в обозримой перспективе паритета с США в области обычных вооружений и оружия массового уничтожения, сделал ставку на развитие информационного оружия, в том числе с использованием китайской диаспоры в других странах.

К рискам может быть отнесено то, что скрытость и обезличенность подключения к глобальной электронной среде создают возможность для:

- несанкционированного, в том числе и трансграничного, сбора информации;
- контроля над личностью;
- осуществления в международном масштабе различного рода незаконной деятельности;
- экспорта идей, культуры (прежде всего, массовой) и моральных «ценностей», разрушительно действующих на социум в других странах.

Необходимо иметь в виду, что возможности правительств контролировать глобальную электронную среду даже в национальных секторах крайне ограничены по ряду причин, из которых можно выделить следующие:

- против контроля выступает значительная часть мировой общественности из-за опасения нарушения прав человека; несоответствие предъявляемым стандартам в области прав человека, что в определенной степени содержит риск применения международных санкций;
- правовая база такого контроля принципиально не может соответствовать темпам развития киберпространства и отстает от них — невозможно предсказать, какие технологии и с какими возможностями будут изобретены;
- для введения эффективного контроля требуются технологические, кадровые и финансовые ресурсы, которые зачастую намного больше, чем стоимость контролируемых процессов.

Однако наиболее важной проблемой является инерционность правительственных бюрократических структур, делающих ставку на запретительные меры, а не на *разработку системы менеджмента киберпространства*.

Также нужно обратить внимание, что возможности контроля киберпространства со стороны различных государств принципиально различны. Так, бесспорно, приоритетное положение здесь занимают США, поскольку на их территории находится большинство серверов сети Интернет, а также Штаты владеют уникальными метатехнологиями, позволяющими контролировать функционирование отдельных секторов глобальной информационной сети (в т.ч. через определение сетевых стандартов). Поэтому трудно не согласиться с мнением, что «если киберпространству предоставить возможность

развиваться самому по себе, то оно быстро превратится в совершенное орудие контроля» [1] для одних против других. При этом власть начинает трансформироваться в «возможность предписывать поведение» [2] через манипуляцию общественным сознанием в массовых масштабах на основе «мягких» технологий.

Развитие «сетевых структур и организаций»

«Сетевые структуры» принципиально отличаются от тех, которые функционируют и действуют в физическом мире. Они не предполагают наличие жесткой иерархии и вертикально-ориентированной схемы выработки и реализации решений. «Сетевые структуры» в своей активности опираются на тактику «роения» («swarming»), построенную на взаимодействии мобильных автономных малых групп, обладающих «горизонтальными» средствами коммуникации и правом инициативы в рамках выработанной стратегии. «Рой» скапливается в местах нанесения удара и моментально рассыпается, не теряя общего управления. Такие схемы действия в виде протестных выступлений были реализованы в ходе «арабских революций»*.

В качестве особой разновидности «сетевых структур и организаций» в 2010—2011 гг. в ходе «арабских революций» о себе заявили сетевые социальные движения (хотя они существовали и ранее).

Главные характеристики сетевых социальных движений [3]:

- они структурированы вокруг разделяемых культурных ценностей, которые становятся основой для формирования организационной идентичности;
- они заполняют собой нишу, освобожденную традиционными политическими институтами (партии, профсоюзы, формальные организации гражданского общества), потерявшими доверие граждан;
- они стремятся к глобальности своего действия, так как именно глобальность позволяет им эффективно действовать на локальном уровне.

Как показывает опыт сетевых структур, таких, как информационное содействие индейскому мексиканскому движению сепаратистов субкоманданте Маркоса (в настоящее время известно как движение антиглобалистов), китайской политико-религиозной организации Фалуньгунь Ли Хонжи и сети движения за запрещение противо-

* Аналогичные схемы поведения, но не подкрепленные имеющимися в настоящее время информационно-коммуникативными составляющими, хорошо зарекомендовали себя в тактике маоистов, городской герильи, чеченских сепаратистов.

хотных мин, прямые силовые средства, предпринятые национальными правительствами против них, оказываются неэффективными. Это положение подтвердили и результаты «арабских революций» 2010—2011 гг.

В общем смысле выбор формулируется так: «либо политики определяют, какие технологии будут использоваться для развития общества, либо технологические корпорации внедряют через рынок принципы новых технологий, которые через поколение обусловят выбор вектора политического развития» [4]. Однако в последнее время большинство стран реагирует на вызовы и риски со стороны «киберпространства» на государственном уровне. При этом принято выделять следующие виды реакций:

- «отторжение» современных информационно-коммуникационных технологий, жесткое ограничение сферы их использования рамками правительственных нужд;
- принятие «киберпространства» с ограничениями, направленными на изъятие из свободного доступа наиболее критичных для правительства сайтов;
- принятие глобальной электронной среды как данности, независимой от правительства и не требующей регулирования;
- использование «киберпространства» как эффективного инструмента реализации политических и экономических задач;
- ставка на развитие «киберпространства» с целью выхода в число стран, лидирующих в области создания информационных технологий и стратегий.

Характеристики казахстанского сегмента киберпространства

Интернет-пространство и, соответственно, интернет-сообщество в Казахстане, как и в любой другой стране, не могут рассматриваться как нечто консолидированное и структурированное. Размытость интернет-пространства и соответствующего сообщества связана с тем, что они оформлены только некоторыми внешними, техническими характеристиками — наличием у пользователя доступа к современным системам коммуникации, достаточно регулярным отслеживанием информации, представленной в Интернете, и фиксации в той или иной форме собственного отношения к ней. Остальные стратифицирующие характеристики интернет-аудитории — возраст, уровень дохода, этническая принадлежность, место проживания и

прочее — для данного сообщества либо отсутствуют, либо не могут быть зафиксированы доступными средствами.

Соответственно указанному, в интернет-пространстве отсутствует какая-либо консолидированная оценка внешней и внутренней политики. Обсуждение и спектр мнений, как правило, инициируется значимыми (с точки зрения интернет-пользователей) публикациями, являются ситуативными и выражаются:

- в комментариях к той или иной статье по соответствующей тематике (если сайт позволяет это делать);
- в форумах;
- в блогах.

Таким образом, оценка интернет-сообщества является, в основном, виртуальной и ситуативной. В то же время в форумах и блогах, помимо реактивной, возможно высказывание и инициативной позиции интернет-пользователя, не связанной со сделанными ранее публикациями.

Как правило, в настоящее время тенденция к консолидации отдельных групп фиксируется вокруг некоторых электронных средств массовой информации (предполагающих регистрацию, допускающих комментарии или имеющих форумы) и блоггеров. Постепенно приобретают значимость социальные сети (ВКонтакте.ру, Facebook.com).

Данные каналы обладают достаточно мощным структурирующим воздействием. Они позволяют сформировать вспомогательные признаки объединения людей в малую группу (идентичность) — система интернет-дружбы, блокировка (отключение), счетчики посещаемости, неформальные оценки фотографий, перекрестные ссылки и т.д. Однако степень фиксации здесь общих идентификационных признаков требует дополнительного исследования.

Исходной установкой казахстанской модели регулирования «киберпространства» должен стать отход от запретительной модели, основанной на *отторжении* или *простом принятии*, и переход к модели активного *прямого и косвенного присутствия* государства в глобальном киберпространстве, предполагающего использование возможностей, предоставляемых новыми технологиями, и их развитие.

Одним из наиболее важных в сфере управления киберпространством должно стать направление, связанное с систематическим исследованием интернет-сообщества, а также разработка методики и техники его анализа. Данная задача может быть эффективно реали-

зована только при совместной работе исследователей-гуманитариев и IT-специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Теплов А. Власть в информационную эпоху // <http://www.auditorium.ru>.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Там же.
4. Технологический прогресс и современные международные отношения. — М.: Просвещение, 2004. — С. 144.

Рецензия

Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. — М.: ИВ РАН/ЦСПИ, 2011. — 406 с.

ЛАУМУЛИН М.Т.

В прошлом году в рамках совместного проекта германского Фонда им. Розы Люксембург и Института востоковедения РАН увидела свет третья в этой серии коллективная монография «Политический процесс в Центральной Азии» [1]. В новой работе интернациональный авторский коллектив подвергает анализу политические процессы в странах региона, особенности социально-экономического развития государств Центральной Азии, коренные перемены, затронувшие все сферы жизни общества.

Во вступительной статье авторы (А.К. Зайферт, И.Д. Звягельская) исходят из того, что в государствах Центральной Азии наблюдаются устойчивость авторитарной модели правления, специфический тип кланово-бюрократического капитализма, обслуживающего весьма ограниченную по численности группу,

сложное взаимодействие традиции модерна, усиление влияния религии в общественной жизни. Они считают, что развивающийся в государствах Центральной Азии политический процесс воспроизводит незападную модель или набор ее элементов, которая в основном определяется формой общественных личных взаимоотношений, а власть, авторитет, влияние зависят в значительной степени от социального статуса. Поэтому политическая борьба сконцентрирована не на альтернативных политических курсах, а в основном на проблемах влияния.

Авторы утверждают, что консервативная политическая культура обусловила своеобразные принципы функционирования политических институтов. После обретения независимости и развала партийно-советской системы пришедшая ей на смену многопартийность снова стала

подвергаться влиянию устойчивых общественных взаимосвязей. Политические партии не являются идеологическими — важным фактором их формирования остаются региональные, клановые, родоплеменные интересы; большинство партий и движений не являются общенациональными, а борются исключительно за обеспечение более высокого статуса своим соплеменникам.

Любопытно, что исследователи проводят параллели между состоянием обществ в ЦА и социально-революционными процессами на Ближнем Востоке. Они отмечают, что социальные революции в Тунисе и Египте, обращенные против авторитарных режимов, стали рассматриваться многими наблюдателями в качестве модели для ряда государств Центральной Азии, где существуют сходные проблемы. Это рост численности образованной молодежи, не находящей себе применения на родине, болезненные процессы урбанизации, тяжелые социальные последствия внедрения рыночной (а на деле далеко не всегда рыночной) экономики, размах коррупции, бедность населения. Наряду с общим показателем, есть своя специфика. Так, хотя напряженность может подпитываться базовыми социально-экономическими проблемами, реальные взрывы (Таджикистан, Киргизия) происходят только

тогда, когда имеется явный раскол элит, когда соперничество за власть, ресурсы ведет к мощной мобилизации на региональной или локальной основе.

Также концептуальный характер носит другая глава книги, написанная С.Н. Абашиним — «Центральная Азия: какой мы ее видим». Автор ставит проблему в следующем ракурсе: мы должны сразу задать себе два вопроса: первый — являются ли эти страны единым целым; второй — какими общими характеристиками они обладают.

В этой связи автор затрагивает крайне важный вопрос. Он отмечает, что существуют еще два варианта конфигурации региона, которые были предложены как альтернативное видение его истории, культуры и политических интересов. Один именуется «Центральная Евразия», другой — «Большая Центральная Азия». Главный довод такого переименования заключается в том, что прежняя «Центральная Азия» несет на себе явные следы российского советского проектирования — между тем после распада СССР советское наследие постепенно стирается, на первый план выступают новые геополитические конфигурации или, наоборот, более старые и более фундаментальные отношения, связанные с культурой, языком, религией. Следовательно,

но, как считают сторонники новых названий, необходимо присоединить к Центральной Азии другие страны, регионы и рассматривать их как историческое геополитическое целое. Такой аргумент уже получил популярность в экспертном сообществе и институциональную поддержку в названиях разного рода сообществ, мероприятий и департаментов.

По мнению автора, проблема нового взгляда на регион и его название (в данном случае разница между «Центральной Евразией» и «Большой Центральной Азией» носит второстепенный, скорее стилистический характер) заключается в том, что его проектировщики весьма неопределенно рисуют границы провозглашаемой ими культурно-географической конструкции. Помимо пяти названных стран, в нее более или менее единодушно включают Афганистан, остальной список может включать в себя, в зависимости от фантазии конкретного автора, Монголию, китайский Синьцзян, восточные районы Ирана, северо-западные районы Пакистана, Западную Сибирь, Южный Урал, Поволжье, Закавказье и Крым.

Далее автор обращается к так называемым «сущностным характеристикам» (социально-экономическим и статистическим данным) по каждой республике

региона. В результате он приходит к выводу, что эти данные говорят о том, что местные общества занимают промежуточное положение на линии координат «урбанизированный/сельский», «индустриальный/аграрный» с заметным, тем не менее, преобладанием сельской аграрной составляющей. При этом многие города Центральной Азии нередко живут почти сельской жизнью.

Говоря о проблеме соотношения модернизации и демодернизации касательно региона, Абашин приходит к выводу, что сторонники классической концепции модернизации считают, что по мере социального экономического развития общество неизбежно секуляризируется. В обществах Центральной Азии мы видим, однако, более сложные процессы. Значительная часть людей действительно полностью потеряла интерес к вере, сохранив при этом самоопределение «мусульманин» в его скорее культурном значении. Часть общества считает себя верующим и исполняет минимальный набор религиозных предписаний, но максимально приспособила эти практики к ритмам и требованиям более мобильного, информационно насыщенного общества. Наконец, часть людей, особенно после распада СССР, объявила себя активно верующими и призвала к строгому соблюдению много-

численных религиозных предписаний, но в этом случае речь идет не о возвращении к прежним архаическим локальным практикам, а о заново осмысленной религиозности, в которой акцент ставится на личной вере и ответственности каждого человека. В каждой из центральноазиатских стран соотношение между этими тремя категориями разное, но в любом случае каждая из них представляет собой особый вариант включения в современный мир. Местное общество не остается каким-то застывшим в древних традициях, а весьма динамично трансформируется, становится многоукладным, культурно-гибридным.

В заключение автор затрагивает концепцию «мир-системы», которая делит все страны на «центральные», «периферийные», а еще вводит дополнительную категорию — «полупериферийные», отражающую некое переходное состояние. Эта концепция говорит о существовании более разнообразных способов доминирования с помощью перераспределения финансовых средств, потоков людей, товаров, технологий, культурных ценностей, моды и т.д. В этой схеме страны Центральной Азии имеют подчиненный и зависимый характер по отношению к ведущим странам мира, включая Россию (которая сама является «полу-

периферийным» государством), Китай, США и Европу. В лучшем случае она поставляет им сырье, рабочие руки, получая взамен еще большую зависимость от кредитов, инвестиций политической благосклонности. На более популярном языке «периферийность» и зависимый характер могут обозначаться также понятием «третий мир», которое устарело после крушения советского блока.

И, наконец, Абашин приходит к выводу, что, типологизируя разные возможные используемые способы описания Центральной Азии, можно обнаружить, что не существует и вряд ли может существовать какой-то единый взгляд на регион. Напротив, обнаруживается, что имеется множество разных мнений подходов, которые применяются при анализе или просто в суждениях. То, как видят сегодня Центральную Азию, сильно зависит от того, откуда эксперт смотрит на регион, какие реальные или воображаемые интересы он отстаивает, какой методологический аппарат предпочитает.

В следующей «концептуальной» главе А. Ниязи пишет о ревизии политологических изысканий. Это весьма путаная глава, в которой научный анализ подменен смесью геополитики, политологии и философии, изложенной языком газетной

публицистики. Этот автор приходит к выводу, что исламские антиглобалистские альтернативы демонстрируют разные спектры идеологий действий, начиная от ретроградных, реакционных или откровенно воинствующих, террористических и заканчивая весьма прогрессивными для нашего времени идеями и механизмами социально-экономического устройства.

Один из руководителей проекта А.К. Зайферт посвятил свой раздел проблеме политического ислама в Центральной Азии. Немецкий эксперт исходит из того, что ислам в настоящее время не является фактором, порождающим конфликты в регионе Центральной Азии. В целом нет оснований полагать, что исламисты возьмут власть. Ситуация, однако, может измениться, если верующие, религиозные деятели, политические представители от ислама столкнутся со стратегией подавления. На этой почве могут разразиться религиозные войны, тогда фактор ислама сам по себе станет причиной конфликтов. До сих пор подобная ситуация не складывалась. Региональные местные группы исламских элит используют ислам (на данном этапе) пока только в роли «инструмента» для того, чтобы реализовать свои интересы/или реагировать на объективно существующий

конфликтный материал в обществах своих стран.

В контексте решения поставленной задачи Зайферт предлагает концепцию так называемой эволюционной «горизонтальной» исламизации и политизации религиозной среды. Исламизация и политизация проходят под определяющим влиянием трех факторов: первый — влияние социального вопроса; второй — углубление религиозности (ислам «национализирует себя»); третий — политизация (политический ислам, вплоть до требования создания исламского государства). Обращение к религии как реакция на бедность, обнищание и социальную бесперспективность — известное повсюду на земном шаре в разные исторические периоды явление. Однако особенность его в Центральной Азии заключается в том, что здесь на такую реакцию населения влияют сразу два фактора — взрывоопасный нерешенный социальный вопрос и быстро «национализирующийся» ислам. Они как бы сливаются в один сильный поток. Тем самым одновременность этих двух факторов и их слияние в форме религиозности придает необыкновенную динамичность всем общественно-политическим процессам, в особенности в религиозной сфере. Этому содействует почти полное отсутствие на политической сцене Центральной

Азии социальных левых движений, партий, профсоюзов, достаточно сильных, чтобы выразить неудовлетворенность населения путем выдвижения альтернатив и организацией борьбы за социальную справедливость.

Зайферт отмечает, что настало время вывести понятие «политический ислам» из его анонимного употребления. На практике он выступает в лице конкретных партий, политиков, активистов. Где между ними проходит водораздел относительно их целей, намерений? Ответ на этот вопрос лежит в плоскости их отношения, с одной стороны, к собственно религиозности мусульманских верующих, а с другой — к ее возможной инструментализации.

Зайферт уверен (и эту мысль он не раз высказывал в других своих работах), что для Европы, наверное, наиболее понятной злободневной причиной решиться на создание доверия с центрально-азиатским политическим исламом могло бы стать реальное приближение конца военного присутствия Запада в Афганистане. При этом особая роль отводится ОБСЕ. Она должна заботиться о том, чтобы существующий на латентном уровне конфликт между светской властью и исламским политическим исламом не перерастал в антагонизм, которым внешние силы могли бы воспользоваться в своих ин-

тересах. Он вновь подчеркивает, что Европа должна осознать, что ислам и исламские политические движения в азиатской части ОБСЕ являются стратегической константой, а не переменной величиной.

Немецкий специалист в качестве предложения выдвигает следующую мысль: изменению отношений между Европой и центральноазиатским политическим исламом мешает сегодня, главным образом, то, что как европейские политики, так и правящие режимы Центральной Азии недопонимают ключевое значение демократического обращения с «исламским фактором», который куда важнее и ценнее конститутивной составляющей в формировании молодых национальных государств. В результате этого ряд основных проблем остается нерешенным. Главное — необходимо признать, что достижение мирного сосуществования между секуляризмом и исламом в Центральной Азии является жизненно важным аспектом стабилизации как внутри стран в процессе государственного строительства, так и в масштабах взаимоотношений всего региона со светской Европой.

Кроме того, Европе надо учитывать, что, хотя наличие мусульманского большинства среди населения не ведет автоматичес-

ки к образованию исламского государства, светские элиты не могут гарантировать, что эти государства впредь всегда будут носить светский характер. Отсюда напрашивается вывод: до тех пор, пока вопрос об общественно-политической ориентации этих стран, то есть будет ли в них светский или исламский государственный строй, остается открытым, исламский фактор будет находиться в центре политической борьбы в Центральной Азии. Ее результат однозначно зависит от того, удастся ли удержать светско-исламские отношения на таком уровне взаимного приспособления, чтобы совместное государство являлось для обеих сторон в равной степени общественно-политической родиной.

Последующие четыре главы, написанные местными авторами, посвящены отдельным республикам Центральной Азии (кроме Туркменистана). Они достаточно подробно освещают социально-экономические, внутривнутриполитические, демографические и другие внутренние аспекты развития этих государств.

Последняя глава, включающая в себя общие выводы и заключение, также написана А.К. Зайфертом. Он пришел к выводу, что политический процесс в Центральной Азии сопряжен с сильными рисками, так как несет в себе определенную степень

конфликтогенности, которая варьирует в отдельных странах. Ситуация в регионе усугубляется монополизацией политической и экономической власти миноритарными кругами элитных олигархов. Практикуемые ими политические стратегии вступают в противоречие с объективными потребностями необходимого восходящего развития производительных сил укрепления национальной государственности. В этом источник большинства вышеперечисленных типичных проблем конфликтогенности центральноазиатских обществ.

Немецкий ученый пытается в качестве предупреждения высказать следующую идею: в настоящее время существует опасность того, что народ, не приученный выражать свой протест, не имеющий опыта мирных акций, потому что ему постоянно запрещали это делать, в тот момент, когда чаша терпения переполнится, пойдет не за законопослушной конструктивной оппозицией, а за тем, кого мы еще не знаем. Слабость политических партий связана с тем, что чаще всего они базируются на отношениях клиентелы, причем в регионе только однажды была общенациональная партия — коммунистическая. В идеологическом спектре, по существу, остался только ислам, также отличающийся общенациональными качествами. В результате

весь человеческий потенциал политической энергии, свойственный социальному вопросу, превращается в стратегический запас политического ислама.

Зайферт в заключение выступает с резкой критикой капиталистической системы и применения ее принципов на практике в Центральной Азии. Он подозревает, что изначально существовал (у западных элит) план по полному уничтожению социалистической альтернативы либеральному капитализму. По его мнению, главная цель западной стратегии трансформации — искоренение политических и экономических основ общества советского типа — была достигнута. Пути назад в некогда советскую империю нет. В рамках стратегии трансформации не удалось выполнить крайне важную задачу создания консолидации экономических основ для дальнейшего процесса государственного строительства. Если судить по ухудшению уровня жизни большей части населения, то здесь не были достигнуты желаемые результаты. В этом отношении трансформация оказалась не только регрессивной, но она также препятствует переходу к демократической форме правления, поскольку не смогла создать экономические основы для развития социальной рыночной экономики и демократии.

Он заключает: пока Западу не удалось добиться создания политических систем по своему подобию. На самом деле происходящие в регионе процессы свидетельствуют о том, что транзит рядом государств уже завершен, в них сформировались вполне консолидированные политические режимы «нового типа», не учтенные в укоренившихся западных представлениях о транзите.

Финальный вывод размышлений А.К. Зайферта посвящен международным и геополитическим перспективам региона. Немецкий ученый вполне справедливо отмечает, что на развитие политических процессов в Центральной Азии влияет также соперничество основных геополитических игроков — России, США и Китая. В силу своих экономических, военных и политических возможностей, государства региона, очевидно, не смогут воспользоваться политической тактикой более самостоятельных геополитических игроков. Они не могут, да и не должны однозначно принимать позицию лишь одной из сторон. В основе их политики, по-видимому, должен лежать принцип равноудаленности от прямой поддержки интересов той или иной стороны.

Главные задачи их внешней политики, заключает автор, быстро развивать эффективное

региональное сотрудничество в экономических, инфраструктурных и энергетических сферах, включая водные ресурсы, избегать прямой вовлеченности в противостояние, обеспечивать свою безопасность, постепенно достигая необходимого уровня самодостаточности.

Таким образом, перед нами настоящий фундаментальный труд по Центральной Азии, хотя не лишенный некоторой доли противоречий. Главы, посвященные отдельным странам региона, представляют собой фактически самостоятельные исследования и должны рассматриваться отдельно. Остановимся на концептуальной составляющей данной монографии. Очевидно, что она задана линией А.К. Зайферта в трех написанных им разделах. Как и его западные коллеги, восточногерманский исследователь оперирует устоявшимися стереотипами о Центральной Азии и авторитарном характере существующих здесь режимов. Но, к его чести, следует отметить,

что он не абсолютизирует данное обстоятельство, а делает попытку проанализировать причины и, главное, все возможности и альтернативы для стабильного и эффективного развития народов региона.

В отличие от западных экспертов (в основном англосаксонских), его критика центрально-азиатских реалий идет не справа, а слева (что вполне объяснимо тем, какой фонд он представляет). Научно-понятийный аппарат и академический язык А.К. Зайферта вполне понятен нам, представителям советской марксистской научной школы. Поэтому на подобную критику не только не хочется обижаться, но и, более того, она воспринимается с благодарностью. Идеи и концепции А.К. Зайферта — отличный залесон на пути той академической дезинформации и злонамеренной идеологической агрессии со стороны Запада, которые переживают граждане и ученые бывших соцстран со злополучных времен конца 1980-х — начала 1990-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пятнадцать лет, которые изменили Центральную Азию (1991—2006). — М.: ЦСПИ, 2006. — 270 с.; Годы, которые изменили Центральную Азию. — М.: ЦСПИ-ИВ РАН, 2009 с. — 331 с.

Summary

Context for Energy and Transport Cooperation between Central Asia and Afghanistan

Auelbaev B.A., Head of Department for Foreign Policy Studies, KazISS under President of RK

Formation of a closer inter-regional cooperation between Afghanistan and the countries of Central and South Asia has been increasingly considered within the current geopolitical studies. The author analyzes the prospects for implementation and development of the projects in transport, communication, energy and infrastructure that are being considered by a number of states as well as international and regional organizations.

Afghanistan: History of Unlearned Lessons

Amanzhol I.A., Independent Journalist

The history of Afghanistan proves how misleading the impression of a stranger may be. The article shows author's understanding of some issues relating to the recent past of the country and its near future. The article considers the possible developments, the Sufis' role in the politics, the origins and nature of the "Taliban" movement.

Twenty Years of Independent Kazakhstan: Achievements and Perspectives of Social Sphere

Zharkynbaeva R.S., M. Tynyshpayev Kazakh Academy of Transport and Communications, Professor, Doctor of Historical Science

Given the twentieth anniversary of independence of Kazakhstan, the article considers the achievements and perspectives for its further development in the social sphere. The author believes that sustainable human development in transition countries is only possible when the conditions are provided for a sustainable social, ecological and economic system that is adapted to the current realities.

Historical Preconditions for Ethno-religious Diversity and Tolerance of Peoples in Eurasia

Zhumagulov K.T., Department Chair, Department of World History and Historiography, al-Farabi Kazakh National University (KazNU), Doctor of Historical Science, Professor

Nurtazina N.D., KazNU, Doctor of Historical Science, Professor

The article deals with the historical preconditions of ethno-religious diversity and tolerance of the peoples of Eurasia. According to the authors, the difficult times of confrontation of civilizations, the tendency to absorb numerous ethnic and religious communities of smaller ethnic groups and cultures did not stop Eurasia from gradual formation of its multi-confessional multi-ethnic card, a rich tradition of peace coexistence and interaction of the peoples living throughout the continent.

Non-economic Factors of Economy

Bashmakov A.A., Senator of Kazakhstan Parliament, Doctor of Economics.

The author considers neo-liberal economic course and its flawed nature and concludes that the crisis should be the time to strengthen state involvement in the national economies as it is the only power capable to counter increasing social stratification and ensure equitable access to the public goods such as education, health and culture. The author sees the spiritual potential of multi-ethnic world culture as an engine of progress and development along with the system of social institutions and argues that it should be regarded as equally important.

BRICS Countries in Economic Integration Strategy of Kazakhstan

Mukhamedzhanova D.Sh., Senior Research Fellow, Department of Economic Research, KazISS under President of RK, Candidate of Economics

Cooperation in the framework of the BRICS that includes Brazil, Russia, India, China and South Africa is a manifestation of an objective tendency to a polycentric world order. The BRICS member countries are the most dynamic force of the global economy.

The economic cooperation Kazakhstan is maintaining with the BRICS should be regarded as continuation of its integration policies along with the CES, EurAsEC, CIS and one of the key areas of its foreign policy. In this regard, Kazakhstan is interested in the BRICS being stronger because it is an important component of the new world order aimed at promoting the interests of the developing economies, cooperation with the developed countries and, ultimately, stability and security of the Eurasian and global economy.

On Precious Metals as Instrument of Investment Saving
Sigaev E.A., Associate Professor, Kazakh-British Technical University (KBTU), Doctor of Economics

The article deals with problems of the world economy, particularly with the role and value of precious metals as a tool to protect investment during the crisis and post-crisis periods. The author considers, given recent developments in the global economy, the investments in precious metals to be not a speculative tool as it was before. On the contrary, it is a protective instrument that will be increasingly demanded.

Development of Cyberspace: Problems of Control
Chernykh I.A., Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Historical Science, Professor

The article deals with development and management of the cyberspace. As the most important components of political, economic, social and cultural activities are increasingly present within the global electronic environment ("cyberspace"), the two measurements related to national security worth special consideration: "information" meaning combating cyber crime and "societal", that is the relationships with the "network structures and organizations".

Сведения об авторах

Журнал «Казахстан-Спектр» №1, 2012

Аманжол И.А. — независимый журналист

Ауелбаев Б.А. — заведующий отделом внешнеполитических исследований Казахского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК

Башмаков А.А. — депутат Сената Парламента РК, доктор экономических наук

Жаркынбаева Р.С. — профессор Казахской академии транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева, доктор исторических наук

Жумагулов К.Т. — заведующий кафедрой всемирной истории, историографии и источниковедения Казахского национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор

Лаумулин М.Т. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор

Мухамеджанова Д.Ш. — ведущий научный сотрудник отдела экономических исследований КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук

Нуртазина Н.Д. — доктор исторических наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби

Сигаев Е.А. — доктор экономических наук, ассоциированный профессор Казахстанско-Британского технического университета (КБТУ)

Черных И.А. — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор исторических наук, профессор